

А. ШЛИХТЕР

УЧИТЕЛЬ И ДРУГ
ТРУДЯЩИХСЯ

А. ШЛИХТЕР

УЧИТЕЛЬ
И ДРУГ
ТРУДЯЩИХСЯ

(Из воспоминаний о Ленине)

МОСКВА
Государственное Издательство
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
1957

Автор настоящих воспоминаний о В. И. Ленине — Александр Григорьевич Шлихтер (1868—1940 гг.) — один из старейших деятелей Коммунистической партии и Советского государства, с 1891 г. — социал-демократ, с 1903 г. — большевик (партийные клички: «Ананьин», «Никодим», «Евгеньев» и др.), делегат V, VI, XIV, XV, XVI и XVII съездов партии. В революционном движении с 1887 г. С 1891 г. работал в социал-демократических кружках на Украине. В 1893 г. арестован в Киеве и в 1895 г. сослан на 5 лет в Сольвычегодск, где вместе с Н. Е. Федосеевым, Е. С. Шлихтер и другими организует социал-демократический кружок. В 1896 г. переведен в Самару, где участвует в создании первой легальной социал-демократической газеты «Самарский вестник», а затем в организации группы «искровцев». Ведет непримиримую борьбу против народников, легальных марксистов, «экономистов», меньшевиков. После II съезда РСДРП (1903 г.) — большевик. В 1901 г. член Тульского, а позднее — Киевского и Московского комитетов РСДРП, один из организаторов киевской большевистской группы «Вперед». А. Г. Шлихтер был председателем I и II съездов Всероссийского железнодорожного союза в Москве, подготовивших Всероссийскую октябрьскую стачку железнодорожников. Один из организаторов революционных выступлений в октябре 1905 г. в Киеве. В годы реакции — на подпольной работе в Петербурге, сотрудничает в органе большевистского центра — газете «Пролетарий». В 1907 г. один из представителей

ЦК по подготовке V съезда РСДРП. В 1908 г. присужден к пожизненной ссылке в Сибирь. В годы первой мировой войны занимал ленинскую позицию по вопросу о войне, вел активную борьбу с оборонцами. Во время февральской революции 1917 г. член Красноярского губкома партии и исполкома Совета рабочих и солдатских депутатов. В октябрьские дни 1917 г. член Московского военно-революционного комитета и комиссар продовольствия Москвы. В 1917—1918 гг. народный комиссар продовольствия, затем чрезвычайный комиссар продовольствия в Сибири, Вятке и других местах, в 1919 г. нарком продовольствия Украины. В 1919—1940 гг.— на руководящей советской и партийной работе. А. Г. Шлихтер — видный экономист-аграрник, его перу принадлежит более 30 экономических, исторических и публицистических трудов. Он был действительным членом Коммунистической академии, академий наук УССР и БССР, доктором экономических наук. Вел последовательную борьбу против троцкистов, правых оппортунистов и буржуазных националистов. В 1923—1925 гг. член Оргбюро и в 1925—1937 гг. кандидат в члены Политбюро ЦК КП Украины. Был делегатом V конгресса Коммунистического Интернационала. Избирался членом ВЦИК ряда созывов и ЦИК СССР всех созывов. Дважды избирался кандидатом в члены Президиума ЦИК СССР.

ПЕРВОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ ИЛЬИЧА НА ОТКРЫТОМ МИТИНГЕ В РОССИИ

Впервые я увидел Ильича в начале мая 1906 г. Для нас, местных подпольщиков, не бывавших в эмиграции и не работавших под его непосредственным руководством за границей, товарищ Ленин и тогда уже был не только и не просто Ленин, а именно Ильич. Его авторитет и обаяние, как нашего большевистского вождя и *товарища* в лучшем смысле этого слова, уже тогда прочно закрепили в партии отношение к товарищу Ленину, как к близкому, родному, *нашему* Ильичу.

Это был как раз момент наибольшего опьянения «кадетов» — «конституционно-демократической» партии либеральной буржуазии¹ победой на выборах в I Государственную думу. Две трети депутатских мест в созданном как уступка массовым выступлениям пролетариата и крестьянства в революционные дни 1905 г. законодательном органе России оказались в руках либеральной буржуазии. Интеллигенция и чиновничество, мелкая буржуазия и городское мещанство, сельское учительство и отчасти духовенство — все они отдали свои голоса кадетской партии, обещавшей реорганизовать нагаечно-самодержавную Россию в конституционный цветник «народной свободы», где каждому общественному классу Государственной думой будет отведена порция всяческих хозяйственных и политических благ соответственно «великим» принципам

---

¹ Именовавшей себя еще громким именем партии «народной свободы».

«социальной справедливости для всех» со всевозможными политическими свободами (печати, слова, собраний, неприкосновенностью личности и жилищ) и лишь с одним ограничением этих свобод — неприкосновенностью «священного» принципа собственности капиталистов и помещиков на средства и орудия производства, на землю.

Но еще бурлили волны революционного подъема пролетариата, вырвавшего у правительства Николая II манифест 17 октября о «свободах». Еще велика была вера рабочих масс в возможность закрепления «напостоянно» 8-часового рабочего дня, явочным порядком установленного самими рабочими в революционные дни конца 1905 г. Еще гулял «красный петух» по селам и деревням. Еще не совсем оправилась в тот момент самодержавная власть от революционной встряски великой российской всеобщей октябрьской забастовки и московского декабрьского вооруженного восстания и, наконец, еще не были закончены жандармерией и придворной кликой тактические и иные меры для разгрома революции.

Замышляя удар, царское правительство временно нуждалось в поддержке так называемых «общественных» кругов, т. е. той либеральной буржуазии, идеологами и выразителями которой являлись главенствовавшие в Государственной думе кадеты. Последние не заставили себя долго просить. Буржуазная пресса во главе с официальным органом кадетской партии газетой «Речь» на всяческие лады обсуждала и смаковала «неизбежность» сотрудничества правительства с «обществом» путем участия в министерстве представителей, пользующихся «общественным доверием». По Петербургу гуляла молва о знаменитой «чашке чая» кадетов у правительства: так был окрещен секретный визит лидера кадетской партии Милюкова к градоначальнику генералу Трепову, автору знаменитого приказа «патронов не жалеть» по адресу бастующих рабочих.

Готовясь к соглашению с придворной кликой, кадетская партия занялась усиленной обработкой общественного мнения через газетную кампанию и на открытых митингах и собраниях. На одном из таких собраний я и встретился с Ильичем. Это было в Народном доме Паниной. Собрание было одним из самых многочисленных, какие мне довелось видеть в то время в Петербурге. Все места и подоконники были заняты. У стен и во всех проходах —

плотно сгрудившиеся тела. Преобладала «чистая» публика — городская интеллигенция, петербургская «демократия», — но было очень много и рабочих. Докладчиком выступал довольно известный в свое время кадет В. В. Водозов. Слушали его с напряженным вниманием.

Вдруг в среднем проходе началось какое-то движение: это пробирается поближе к трибуне небольшая группа слушателей, среди которых выделяется чей-то высокий лоб и большая лысина. До трибуны остается еще 10—15 шагов, но группа останавливается: дальше продвигаться невозможно. Я замечаю в группе кое-кого из знакомых товарищей. Помню, были там И. П. Гольденберг-Мешковский и В. Р. Менжинская. Они меня тоже заметили, что-то говорят незнакомому мне товарищу и зовут к себе. Я с трудом пробираюсь к ним боковым проходом.

— Ильич, — шепчет мне на ухо кто-то из товарищей.

Я чувствую крепкое, энергичное рукопожатие, вижу чудесную, ласково-приветливую улыбку и искрящиеся, пронизывающие огоньком глаза.

— Записались?

Так умел спрашивать только Ильич: спрашивая, он сам же подсказывал ответ своими глазами, голосом, жестиком.

— Нет, — был мой ответ.

— Запишитесь, непременно, вот тезисы для выступления.

И опять, только Ильич умел так организовывать всякое дело — большое или маленькое, за которое он лично брался, — все взвешено, рассчитано, продумано, заранее подготовлено.

Точный текст этих тезисов в моей памяти не сохранился, но общий их смысл сводился к разоблачению подготовляемого кадетами совместного с правящей бюрократией натиска на рабочий класс и крестьянство для ликвидации революции и для «конституционного» ограничения вырванных у царизма реформ рамками, которые обеспечивали бы лишь интересы буржуазии и помещиков, но отнюдь не трудящихся масс.

Доклад окончен. Открываются прения. Проходят 2—3 оратора; они рассказывают о кадетской «чашке чая» у Трепова и о состоявшемся тайном соглашении между кадетской партией и правительством.

Слово предоставляется члену Государственной думы от Костромской губернии Н. А. Огородникову. Это «левый» кадет, адвокат. Он взял слово для того, чтобы разъяснить «недоразумение». Никакого, дескать, соглашения с правительством не было, а были лишь переговоры частного, осведомительного характера с одним из представителей власти, и то по инициативе этого представителя. Усматривать политическое предательство в таких переговорах — это значит прибегать к «демагогическим выпадам» по отношению к противникам.

Говорит Огородников красиво, без запиночки и с уверенностью, подкрепляя время от времени свою аргументацию нотками пафоса и задушевности.

Шум аплодисментов: «Браво, браво». Одна часть аудитории возбуждена и шумно торжествует. Другая часть смущена, обескуражена. «Ведь, пожалуй, и в самом деле Огородников прав: переговоры и соглашение — это разные вещи...»

Ильич — весь внимание и наблюдение. Слушая Огородникова, он улыбается своей особенной, хитровой улыбкой; глаза смотрят с тем характерным затаенным смешком, с каким нередко поглядывал Ильич на того, кому он собирался дать надлежащую отповедь.

Еще до выступления Огородникова Ильич под фамилией Карпов послал записку с просьбой о слове. Выказалось еще несколько ораторов, но Карпова не вызывают.

Ильич волнуется.

— Надо бы узнать, записали ли меня, — говорит он.

Кто-то из нашей группы пробирается к трибуне за справкой. Оказывается, что председатель затрудняется предоставить слово какому-то совершенно неведомому Карпову. Ему дано понять, что это виднейший представитель партии большевиков.

— Слово имеет Карпов!

И вот Ильич на трибуне. Аудитория вначале равнодушно смотрит на маленькую, приземистую фигуру Ильича. Она его не знает, он пока для нее только очередной оратор — не больше. Но вот Ильич заговорил:

— По словам Огородникова, не было соглашения, были лишь переговоры. Но что такое переговоры? Начало соглашения. А что такое соглашение? Конец переговоров.

Я хорошо помню то изумление от неожиданности, какое охватило всех, положительно всех слушателей от этой столь простой, но такой ясной, чеканной формулировки сущности спора. Еще несколько фраз, несколько исторических справок о переговорах, завершившихся соглашениями и сделками,— и в огромном зале наступила та характерная, особенная тишина, которая обыкновенно бывает лишь в тех случаях, когда слушатели замирают в напряженном внимании к тому, кто говорит. В кратких, но точных выражениях Ильич дал анализ классовых интересов буржуазии в *данный момент*, он доказал контрреволюционную сущность ее партии «народной свободы» и объективную неизбежность открытого поворота этой партии против пролетариата и крестьянства с того момента, когда буржуазии удастся сговориться с самодержавным правительством о разделе власти.

За «чашкой чая» у Трепова начался торг, направленный к скорейшему удушению революции 1905 г. Как только этот торг увенчается успехом, рабочему классу и крестьянству грозит не только потеря осуществленных явочным порядком в дни революционного подъема достижений, как например 8-часовой рабочий день, право на открытые собрания, организацию профсоюзов и т. д., но и свирепая расправа.

Вот почему, говорил Ленин, мы должны неустанно разоблачать перед трудящимися массами контрреволюционную сущность либеральной буржуазии и всяческих ее приспешников и внедрять в сознание рабочих мысль, что только рабочий класс в союзе с крестьянством, руководя его борьбой за землю, сможет предупредить контрреволюционные замыслы буржуазии и продолжать борьбу за доведение буржуазно-демократической революции 1905 г. до победного конца.

Ильич не говорил как будто ничего нового сравнительно с тем, что можно было встретить в газете большевиков, выходившей в Петрограде. А между тем то, что говорил «неизвестный» Карпов, приковывало, захватывало новизной и неожиданностью не только массовых слушателей аудитории, которые наших газет или совсем не читали, или читали их от случая к случаю, но и меня.

Подвижность Ильича на трибуне, его умение удивительно просто, гениально просто выделить самое главное,

самую суть вопроса, его жестикуляция, его глаза, светящиеся то добродушным юмором, то суровой сосредоточенностью, и, наконец, совершенно исключительное богатство и разнообразие его интонаций — все это захватывало слушателей, не сводивших с него глаз.

Прошло несколько минут, и тишина начала прерываться шумными аплодисментами, торжествующими возгласами. Среди слушателей произошел крутой перелом настроения: глаза тех, которые смущенно поглядывали по сторонам после выступления Огородникова, горели огнем возбуждения, радости, надежды. «Накось, выкуси!» — казалось, хотели сказать они тем, которые после выступления Огородникова чувствовали свою победу, а теперь конфузливо молчали.

Огромный митинг был завоеван большевистской аргументацией Ильича и с большим единодушием и громадным большинством голосов принял резолюцию, предложенную Лениным:

«Собрание обращает внимание всех граждан на то, что, организуя погромы и непрестанно усиливая полицейский и военный произвол, самодержавное правительство явно глумится над народным представительством и готовится насильем ответить на всеобщее требование свободы, на требование земли крестьянством.

Собрание заявляет, что партия «народной свободы» (к.-д.) выражает лишь робко и неполно народные требования, не выполняет своего обещания объявить созыв всенародного учредительного собрания. Мы предостерегаем народ от этой партии, которая колеблется между народной свободой и угнетающей народ старой, самодержавной властью.

Собрание призывает крестьянскую («Трудовую») и рабочую группу в Государственной думе выступать решительно, совершенно независимо от к.-д., каждая с своими самостоятельными требованиями, и заявлять полностью требования народа.

Собрание обращает внимание всех, ценящих дело свободы, на то, что поведение самодержавного правительства и полная неудовлетворенность крестьянских и общенародных нужд делают неизбежной решительную борьбу вне Думы, борьбу за полную власть народа, единственно способную обеспечить свободу и нужды народа.

Собрание выражает уверенность, что пролетариат по-прежнему будет стоять во главе всех революционных элементов народа»¹.

Взволнованные, радостные рабочие еще долго не хотели уходить, толпясь в вестибюле и на улице. Сколько бодрых надежд и революционной веры вынесли они с этого митинга в рабочие кварталы Петербурга!

Впоследствии В. Р. Менжинская мне передавала, что Ильич остался очень доволен митингом. Ему так понравилась борьба на открытой арене, что Надежде Константиновне с большим трудом приходилось удерживать Ильича от риска публичных выступлений².

ИЗ ПРОГНОЗОВ ИЛЬИЧА

Всем известна отличавшая Ленина гениальная способность схватывать намечающиеся в ходе революционной борьбы новые этапы в то время, когда окружающим кажется, что все еще идет по-старому и никаких изменений в тактике борьбы не требуется. Страницы истории нашей большевистской партии обильно насыщены ярчайшими примерами этой изумительной прозорливости Ильича, его гениальной способности видеть «сквозь время» вперед, почти физически ощущать еще только складывающиеся в ходе исторического развития сдвиги, изменения в расстановке классов.

Переворот, совершенный царским правительством 3 июня 1907 г.³, Ленин, как известно, считал концом революции 1905—1907 гг. В ряде статей, написанных им в этот период, он тут же, что называется, по горячим следам дает глубочайший анализ изменившегося соотноше-

---

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 10, стр. 377.

² Митинг в доме Паниной, принявший резолюцию Карпова — Ленина, вызвал целый поток преследований со стороны правительства Горемыкина: были закрыты газеты «Дело народа» (орган эсеров) и «Невская газета» (орган меньшевиков), запрещены митинги и объявлено о привлечении к суду участников митинга.

³ 3 июня 1907 г. царское правительство разогнало II Государственную думу и издало новый избирательный закон, сводивший почти на нет избирательные права пролетариата и трудящегося населения, завоеванные в революционные дни 1905 г.

ния сил революции и реакции и дает исчерпывающую характеристику наступившего нового этапа в классовой борьбе в России. Ленин не только видел, но и предвидел этот новый этап. «Для нас, — писал Ильич, — 3-е июня 1907-го года — естественный и неизбежный результат декабрьского поражения в 1905 году»¹.

Но Ленин был величайшим революционным оптимистом, и в ответ на поражение декабрьского вооруженного восстания 1905 г. мобилизовал все силы партии и рабочего класса на дальнейший подъем революции, на ее победоносное завершение. Ленин старался непосредственно руководить боевыми массовыми выступлениями пролетариата и армии, которые вели революцию дальше — вширь, вглубь. Так, например, Ленин был непосредственно связан с организаторами кронштадтского и свеаборгского восстаний (июль — август 1906 г.). Он принимал все меры к тому, чтобы перенести восстание в Петербург и поддержать его всеобщей забастовкой питерских рабочих. Эти восстания были царским правительством жестоко подавлены. Но даже тогда, когда правительству уже удалось совершить свой контрреволюционный переворот, Ленин отнюдь не считал, как об этом поспешили заявить меньшевики-ликвидаторы, что с революцией отныне покончено навеки.

Призывая партию перестроить свои ряды и подготовиться к упорной, кропотливой, будничной работе для организации масс, для подготовки нового подъема, Ленин писал по адресу всех тех, кто спешил повернуться к революции спиной: «Марксизм отличается от всех других социалистических теорий замечательным соединением полной научной трезвости в анализе объективного положения вещей и объективного хода эволюции с самым решительным признанием значения революционной энергии, революционного творчества, революционной инициативы масс, — а также, конечно, отдельных личностей, групп, организаций, партий, умеющих нащупать и реализовать связь с теми или иными классами»².

Мне хочется рассказать об одном факте ленинской прозорливости, свидетелем которого я сам был.

---

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 13, стр. 26.

² См. там же, стр. 21—22.

Это было, если не ошибаюсь, осенью 1907 г. Ильич, возвращаясь с партийной конференции, бывшей в Гельсингфорсе (в Финляндии), остановился проездом в Петербург на ночевку у меня на квартире, под Выборгом. Передавая подробности о конференции и о тех задачах, которые намечались в работе партии на ближайшие месяцы, Ильич между прочим сказал: «Революция закончилась. Нового подъема революционной волны можно ожидать не раньше, чем лет через десять».

Таким образом, в данном случае предсказание Ильича оправдалось не только в смысле правильности учета реальной обстановки революционной борьбы для того времени, не только был безошибочно намечен момент окончания революции 1905 г. и наступления реакции, но был с изумительной точностью определен *календарный срок* смены этой реакции новым неизбежным взрывом революции.

Ильич никогда ничего не говорил на ветер и не делал выводов с потолка. Какими именно подсчетами и соображениями Ильич руководился, определяя этот десятилетний срок,— эту тайну он унес с собой в могилу. Я думаю, однако, что при изучении творческой способности Ленина в предугадывании событий, перед будущим историком жизни и работы Ильича не последнее место будет занимать и вопрос о том, с какого именно момента Ильич начал приходить к выводам о поражении революции 1905 года и готовить тактику партийной работы для переходного момента от революции к реакции, т. е. периода половины 1906 г. до конца 1907 г.

Мне кажется, что уже в июне — июле 1906 г. он предвидел неизбежное, надвигающееся поражение революции 1905 г. Я сужу об этом, между прочим, по следующему факту. Как раз в это время я выпустил свою брошюру: «Государственная дума и общественное движение»¹, общее содержание которой сводилось к анализу данных, обуславливающих, по моему мнению, неизбежное углубление и развитие революционного движения. Как раз по поводу таких моих выводов один из товарищей по петербург-

---

¹ Брошюру я озаглавил: «Государственная дума и революция». Но издательство уже тогда, хотя еще не было видимых признаков наступающего конца революции, согласилось издать брошюру лишь при условии замены слова «революция» словами «общественное движение».

ской работе (не помню, кто именно) как-то мне сказал: «А знаете, ведь Ильич недавно сказал, что революция кончилась».

Такая оценка текущего момента явилась для меня полнейшей неожиданностью. Да и не только для меня. В это время все товарищи, с которыми я встречался на практической революционной работе, ни в малейшей степени не подозревали того крушения революционных надежд и чаяний, которое намечалось перед Ильичем уже так ясно, что он счел возможным высказаться об этом вслух. Но, предвидя поражение революции 1905 г., Ильич, однако, еще долго, по-видимому, не терял надежды на возможность более или менее длительной отсрочки этого неизбежного конца и на использование этой отсрочки в целях возможно большего расшатывания самодержавной власти и организации рабочего класса в процессе борьбы.

Такое предположение возникает у меня в связи с тем фактом, что наш центральный орган, так называемое Центральное бюро фракции большевиков, во главе которого стоял Ленин, находил, между прочим, целесообразным использовать свеаборгское восстание, стихийно вспыхнувшее в конце июля 1906 г. после разгона I Думы, считая нужным руководить этим восстанием, и для выполнения этого руководства командировал меня в Свеаборг почти накануне поражения восстания.

Другим фактом такого же характера может считаться, по-моему, взгляд Ильича о продолжении революционной борьбы путем организации партизанских отрядов, так называемых «пятерок» или «троек», которого он придерживался еще на Лондонском съезде в 1907 г.

Тщательный анализ всего того, что писал в это время Ильич, даст впоследствии возможность точно выяснить внутреннюю связь между его фактической линией по тому или иному эпизоду борьбы того времени и общим прогнозом его о неизбежности поражения революции 1905 г. Во всяком случае, заявление Ильича о десятилетнем перерыве дает возможность с уверенностью говорить о том, что лишь в конце 1907 г. Ильич пришел к окончательному убеждению о необходимости перестраивать нашу партийную работу на длительный период реакции.

Уже с весны 1906 г. самодержавно-конституционное правительство, оправившееся после подавления декабрь-

ского вооруженного восстания в Москве, начало все чаще и смелее пускать в ход свои когти в борьбе с революцией. Началось и преследование нашей большевистской прессы. Газета за газетой закрывались, некоторые наши газеты удавалось выпустить лишь в количестве нескольких номеров. Один ответственный редактор за другим уходили на очередную отсидку в тюрьму, штраф за штрафом сыпались на газеты, как из рога изобилия.

Но еще сравнительно свободно могла существовать брошюрная литература, дававшая большевикам возможность освещать действительность с точки зрения революционной, как тогда говорили, социал-демократии (так называлась наша Коммунистическая партия). Можно было еще фактически иметь и свою газетную прессу, хотя бы меняя чуть ли не ежедневно название газеты, и, наконец, еще существовали открыто такие важные для наших финансовых средств учреждения, как огромная, лучшая по оборудованию в Питере в то время типография «Дело» и огромное большевистское издательство «Вперед», где еще можно было открыто издавать библиотечки из революционных брошюр и отсылать их в партийные организации по всей России.

В этих условиях нам, рядовым работникам партии и активным участникам революции, не совсем ясно было, что самодержавие готовится к открытому наступлению на революционный пролетариат. Иначе расценивал эту обстановку В. И. Ленин.

Известно, какое значение в деле агитации, пропаганды и организации масс Ильич придавал печати, в частности газете. И вот при первых же актах перехода самодержавия в наступление Ильич предложил перенести издание нашей партийной газеты в безопасное место, наметив город Выборг в Финляндии. Для первой разведки о возможности выпуска газеты в Выборге приехал т. Беляков, который предполагал, что набор и печатание можно организовать в типографии местной финской социал-демократической газеты. Вскоре выяснилось, однако, что рассчитывать на возможность постоянного приюта нашей газеты у социал-демократов не приходится. Тогда при помощи социал-демократов же мы повели переговоры о предоставлении нашим наборщикам одной комнаты в типографии местной шведской буржуазной газеты на арендных

началах. Оборудование нашей типографии в Выборге, а также вся техническая организация приготовления в Выборге матриц и перевозка их в Питер, где по ним уже на ротационной машине печаталась газета, были поручены Семену Енукидзе, который вместе со штатом специальных наборщиков — грузин, наших партийных товарищей, поселился в Выборге¹.

Когда все подготовительные работы были закончены, в Выборг приехал товарищ Ленин вместе с Надеждой Константиновной для личного ознакомления с положением дела. Остановился Ленин, если не изменяет мне память, в небольшой тихой гостинице, под названием «Немецкая», недалеко от вокзала. Здесь он прожил около двух недель. Сам организовал секретарскую часть выпуска газеты и сам выпустил первый номер. Газета была названа «Пролетарий» и являлась, таким образом, как бы прямым продолжением женевского «Пролетария», издававшегося в Швейцарии до конца 1905 г. и ликвидированного в связи с переездом Ленина в Россию.

Редакционная сторона выпуска газеты была организована таким образом: секретарские обязанности, корректура, выпуск номера (окончательный подбор материала и группировка его для номера), а также составление хроники были поручены Е. С. Шлихтер², которая выполняла их в течение всего времени издания газеты «Пролетарий», а затем газеты «Вперед» в Выборге. Ленин поселился недалеко от Выборга, в Куоккала, на даче «Ваза», и отсюда руководил редакторским делом и снабжал типографию статьями и прочим необходимым материалом. За материалом один или два раза в неделю ездила к Ленину Е. С. Шлихтер. Иногда материал привозил я, проезжая через Куоккалу в Выборг из Питера, где я бывал почти ежедневно, выполняя различные поручения Питерского комитета партии. В спешных случаях статьи присылались Лениным с каким-либо товарищем. Чаще всего привозил статьи один из старых членов нашей партии — ныне покойный «Пчела»³.

---

¹ Если не ошибаюсь, большинство из них работало в «искровский» период партии в знаменитой подпольной типографии в Баку.

² Жена А. Г. Шлихтера.— *Ред.*

³ Фамилии его не помню.

Перенесение издания газеты в Выборг Ильич объяснил тем, что надо подковать себя «на случай всяких неожиданностей» и обеспечить возможность массовой агитации среди пролетарских масс и быстрого отклика нашей партии на текущие события при помощи печати. Финляндия обеспечивала быструю доставку газеты в Россию.

Ильич в эти дни пребывания в Финляндии был всецело поглощен тем делом, которое в данный момент налаживал, и юношески радовался успехам и быстроте организации нового газетного аппарата.

— Для организации первого номера газеты «Пролетарий» понадобилось несколько месяцев, а теперешний «Пролетарий» удалось поставить в несколько недель,— так объяснял Ильич свою радость по поводу достижений на газетном фронте.

Мне пришлось быть свидетелем еще одной особенности Ильича, в которой проявлялась его многогранная, кипучая натура. Известно, что Ильич страстно любил природу и что некоторые из важнейших решений по вопросу об организации нашей партии он вынашивал в общении с природой, совершая далекие прогулки по горам Швейцарии. Эта любовь к природе сказалась и во время пребывания его в Выборге. Мне пришлось по его просьбе несколько раз показывать ему все, что есть интересного в Выборге. Я помню: Ленину очень понравились окрестности Выборга со стороны старинных крепостных рвов, понравились и сами рвы, заросшие густой зеленой травой.

Известна также всем изумительная работоспособность Ильича во всяком деле вообще и в литературном в частности. Живым и красноречивым свидетельством его необычайной работоспособности служит неисчерпаемое наследство, которое он оставил нам. Я имел случай однажды присутствовать при самом процессе литературного творчества Ильича. Как-то накануне выхода «Пролетария» оказалась недоставленной статья, которая стояла в разметке этого номера. Я поехал специально по этому поводу в Куоккалу к Ильичу, и вот он при мне сел за свой небольшой рабочий столик (обыкновенный кухонный стол) и написал в течение часа (я, помню, нарочно следил по часам) огромную статью, которая заняла, кажется, два подвала газеты. В течение часа быстро-быстро бегало перо по тетрадке (Ильич всегда, насколько мне приходилось

это видеть, писал в тетрадках), не отрываясь от бумаги ни на один миг, и ни разу за все это время Ильич не поднял глаз. Казалось, что я вижу не процесс творчества, а переписку чего-то ранее уже составленного.

Меня всегда поражала обстановка комнаты Ильича на даче «Ваза» (в Куоккала), общий ее фон, так сказать. Всем известна необычайная скромность Ильича в его личной жизни. Эта скромность бросалась в глаза решительно во всем и в комнате на даче «Ваза». Небольшая сама по себе комнатуха, две кровати у стен, покрытые простенькими, дешевенькими одеялами, посредине небольшой столик, там и сям разложенные кучки книг (именно разложенные, а не разбросанные) и, наконец, сам Ильич в косоворотке и в белых крестьянских валенках. Говорю о валенках потому, что таким Ильич врезался мне в память в один из моих приездов, когда он тащил со двора вязанку дров для печи, которую сам же при мне и затопил. В этом отношении Ильич оставался верен себе всю жизнь. Таковую же именно по общему характеру обстановку у Ильича я увидел много лет спустя, уже после Октябрьской революции, завершившей многолетний труд Ильича по подготовке пролетариата к завоеванию власти. Это была обстановка кабинета первого председателя Совнаркома первой Советской республики в Смольном. Но об этой обстановке я расскажу ниже.

НА V СЪЕЗДЕ ПАРТИИ¹

После Стокгольмского объединительного съезда (1906 г.) V Лондонский съезд Российской социал-демократической рабочей партии был первым всероссийским социал-демократическим съездом. Лондонский съезд партии также был настоящим объединительным съездом и в том отношении, что принес с собой «фактическое объединение передовых рабочих всей России в единую всероссийскую партию под знаменем революционной социал-демократии»². Но этот первый формально объединенный

¹ А. Г. Шлихтер был делегатом V (Лондонского) съезда от железнодорожных мастерских города Козлова (Мичуринска), под кличкой «Никодим», и являлся одним из секретарей фракции большевиков и членом секретариата съезда.— *Ред.*

² «Протоколы пятого съезда РСДРП», Партиздат, 1935, стр. X.

съезд РСДРП был в то же время фактически первым съездом и в том отношении, что на нем впервые сложились и совершенно открыто работали партийные фракции.

Партийные фракции (а их было на съезде вначале целых пять: большевики, меньшевики, бундовская, латышская и польская) предварительно на своих заседаниях обсуждали все основные вопросы порядка дня съезда и намечали свою линию поведения по этим вопросам на пленарных заседаниях. Несмотря на это обстоятельство, не только при открытии съезда, но даже и в первые дни его работы еще не вполне ясно было, на стороне ли большевиков или меньшевиков будет перевес.

Что бундовцы займут меньшевистскую позицию, было заранее известно; об этом говорила достаточно наглядно вся практика работы Бунда до съезда. Но какую позицию займут польские и латышские товарищи, в первые дни было неясно, и это составляло большую заботу для товарища Ленина. Большевистский уклон польской партии по основным вопросам революционной тактики был нам известен. Такое же направление было в общем и в латышской партии. Однако в какой мере это могло обеспечить нам решительную поддержку со стороны их делегации на съезде, было в первые дни весьма гадательно.

Ленин не стал, однако, гадать, а предпринял определенные шаги, чтобы завоевать их на нашу сторону. Энергично и вместе с тем исключительно внимательно и терпеливо Ильич направлял свои и наши усилия на возможно большее сближение с польскими и латышскими товарищами. Часто перед обсуждением на пленуме какого-либо вопроса, по которому нам предстояло выдержать сражение с меньшевиками, Ленин на нашей фракции уделял большое внимание тому, как обеспечить нам поддержку со стороны польской и латышской фракций. Ленину принадлежит заслуга в том, что польские и значительная часть латышских товарищей при развернувшейся на съезде принципиальной борьбе по вопросам отношения к буржуазным партиям и другим вместе с нами дрались против меньшевиков.

Численный состав делегатов с решающим голосом по фракциям был следующий: большевики — 92, меньшевики — 85, бундовцы — 54, поляки — 45 и латыши — 26. Так как позиция польской и латышской фракций в первые

дни съезда еще не определилась, то меньшевики решили, что сила на их стороне, и, конечно, попытались эту «силу» использовать в наглой и глупой выходке против Ленина. Группа меньшевиков выступила с требованием отвода Ленина из президиума съезда. Ничего, кроме конфуза для меньшевиков, из этого постыдного дела не вышло. Когда Дан попытался зачитать заявление группы, на съезде поднялся такой взрыв негодования, что меньшевики не на шутку перепугались. Инцидент был исчерпан тем, что президиум, посоветовавшись, объявил о своем решении вообще не оглашать заявление меньшевиков.

Пробовали свои силенки меньшевики и в кулуарных (коридорных) наскоках на большевиков. Особенно излюбленным мотивом меньшевистского хихикания был вопрос о партизанской борьбе рабочих боевых дружин. Тут во всей красе и полноте проявилась вся тупость, злоба и оппортунистическая ограниченность этих мещан от революции.

Ленин и большевики видели в партизанской борьбе боевых дружин одно из средств ослабления врага, одно из средств подготовки пролетариата к вооруженному восстанию. Такого подхода меньшевики, как противники вооруженного восстания рабочего класса, не могли ни понимать, ни разделять. К этому серьезнейшему, принципиальному вопросу они подходили, как обыватели, как мещане. Где-то под флагом боевой дружины орудовала бандитская шайка. На этом основании обыватель считал бандитскими все рабочие боевые дружины. Эту же обывательскую оценку боевых дружин поддерживали и меньшевики. И вот, скользя по поверхности этого большого, исключительно важного революционного вопроса, меньшевики хихикали и шпыняли нас при встречах в кулуарах съезда:

- Партизаны!..
- Пятерочки!..¹
- Троечники!..
- Как дела с экзами?..²

---

¹ Намек на проект Ленина (в 1905 г.) организовать пятерки и тройки как боевые ячейки для подготовки выступлений пролетариата.

² Экс — сокращение слова экспроприация. Экспроприацией называлась вооруженная конфискация денежных сумм, принадлежащих разным казенным учреждениям. В разгар революции, когда шла борьба развернутым фронтом с самодержавием, большевики считали

Жалкие шутки пошлых людей, у которых, кстати, по вопросу об эксах рыльце оказалось весьма и весьма в пуху! По этому вопросу у меньшевиков на съезде вышла презабавная история, доставившая всем нам несколько веселых минут безудержного хохота. Особенно от души смеялся Ленин. Разыгралась эта история на отчетном докладе Центрального Комитета партии, а надо заметить, что ЦК, избранный IV съездом и отчитывавшийся перед V съездом, был меньшевистским (из 10 членов было 7 меньшевиков). Известный меньшевик Крохмаль отчитывался в финансовой деятельности ЦК. Перечисляя доходные статьи, он зачитал: от икса поступило 10 тыс. руб.

— От экса, а не от икса,— вдруг раздается громкий голос с места,— у вас, видимо, опечатка.

В зале взрыв хохота. Меньшевики и бундовцы смущенно поглядывают на Крохমাля, что-то истерически кричит Мартов, а Ильич весело, беззвучно смеется, лукаво поглядывая по сторонам.

НАШ ИЛЬИЧ

Июльское выступление петроградского пролетариата 1917 г. потерпело поражение. Буржуазия еще располагала достаточными силами для того, чтобы разбить эту первую вспышку стихийно растущего и рвущегося наружу негодования рабочих масс. Правительство Керенского шумно торжествовало победу, но оно понимало, что этим поражением петроградский пролетариат еще не разбит, и в борьбе с ним пустило в ход не только вооруженную силу, но и яд грязной клеветы. Так была задумана и распространена отвратительная по своему цинизму и бесстыдству клевета на Ленина, что он германский шпион. Буржуазия хорошо знала цену печати как могучего средства агитации, и буржуазная печать в эти дни действительно «поработала». В трамваях и при встречах на улице обывательщина на разные лады судила и рядила этот «пикантный» слух.

допустимым захват царской казны, допускали экспроприацию с использованием полученных средств на революционные цели. V съезд (1907 г.) запретил членам партии участвовать в экспроприации.— *Ред.*

В эти дни было далеко не безопасно обнаруживать среди этой обывательщины свои сомнения в правдивости газетных сообщений.

Однажды в вагоне поезда Сестрорецкой железной дороги за самую осторожную с моей стороны попытку отвести клевету и направить трескотню пассажиров о шпионаже Ленина и большевиков в ту плоскость, что это, дескать, еще не выяснено до конца, я едва-едва избежал от избиения.

Но черная клевета гуляла не только среди обывательского и буржуазного сброда, она, как крот, проникла и туда, куда метили ее творцы и вдохновители,— в рабочие массы Петрограда. Случай дал мне возможность самому убедиться, что даже среди части рабочего класса некоторое время имели место смущение и растерянность, на которые рассчитывало Временное правительство, выпуская гулять по свету заведомо ложные измышления охранки.

Я был как-то на Путиловском заводе по делам Петроградской продовольственной управы (где я в то время работал). Когда, справившись со своими делами, я собрался уходить, один из членов заводского комитета предложил мне проводить меня кратчайшим путем к выходу на улицу. И вот, когда я пошел с ним, мне сразу как-то показалось, что дело не в том, чтобы проводить меня, а что товарищ о чем-то хочет поговорить. Мои предположения оказались правильными. Помявшись немного, товарищ обращается ко мне и тихим голосом спрашивает:

— Товарищ, скажите, неужели есть хоть что-нибудь похожее на то, о чем пишут?

Я никогда не забуду тех глаз, которые в это время не только глядели на меня, но также спрашивали. В них, в этих глазах, были не только ужас, но и боль, и боязнь — а вдруг? Не трудно себе представить, что я пережил в этот момент. И когда я, невольно остановившись и посмотрев ему в глаза, сказал: «Что вы, что вы, товарищ! Неужели же может быть хоть какой-нибудь вопрос по этому поводу?», произошло то, что невозможно передать словами; это надо было видеть, это можно было только чувствовать. За минуту до этого растерянный, смущенный, немолодой уже человек превратился в веселого, бодрого, жизнерадостного юношу.

— Ну, конечно, *наш* Ильич. Ведь я и сам так был убежден и все время говорю так своим товарищам. Ведь это *наш* Ильич. Ведь, если не верить Ильичу, тогда кому же верить?

Это была искренняя, горячая радость рабочего, радость, которую он, несмотря на усилия, не мог сдержать. Да и можно ли было ее сдержать? Ведь устами этого рабочего говорила вся рабочая масса, возлагавшая все свои революционные чаяния и надежды на партию большевиков и на того, кто шел впереди этой партии, кого рабочая масса привыкла видеть всегда первым, всегда наилучшим, всегда наибольшим.

— *Наш* Ильич, Ильич — *наш*... — вот достойный ответ петроградского пролетариата, которым встретил он подлейшую клевету, какая когда-либо была измышлена и какую правительство Керенского посмело коснуться величайшего из великих вождей последней и решительной борьбы рабочего класса за свое освобождение.

В СМОЛЬНОМ

Только что закончились октябрьские дни в Москве. Помещение Московского Совета, где работал военно-революционный комитет, еще представляло настоящий бивуак: бесконечная лента входящих и выходящих красногвардейцев и солдат; спящие на диванах и в креслах усталые и измученные рабочие; остатки пищи на окнах, окурки и подсолнечная шелуха на полу.

Темп работы ревкома носил еще по-прежнему характер нервной напряженности боевых дней, но переход на мирное положение уже давал себя знать. Мирная жизнь ставила перед ревкомом все новые задачи организационного и хозяйственного характера. Москва изо дня в день предъявляла пролетарской власти новые счета в области хозяйственных нужд миллионного населения столицы.

Среди всех других хозяйственных вопросов наиболее жгучим, острым и спешным был вопрос о хлебе — хлеб для рабочих и гарнизона.

Задачам продовольственного дела ревком уделял максимум внимания. Эти же задачи поглощали целиком и мою работу в качестве комиссара по продовольствию

Москвы и ее окрестностей, назначенного ревкомом в первые же дни Октябрьской революции и кооптированного в члены ревкома с правом решающего голоса.

Предстояла большая и трудная работа по созданию нового продовольственного аппарата, на началах пролетарской диктатуры, и организации единства его с советской структурой всех других органов власти.

И вдруг неожиданно для себя я узнаю от одного товарища, приехавшего из Петрограда, что я, по предложению ЦК партии, назначен Совнаркомом народным комиссаром земледелия и должен немедленно выехать в Петроград...

Работа в Москве захватывала меня остротой задач, которые я должен был повседневно разрешать. Надо было кормить революционную Москву, сохранять и поддерживать живые производительные силы революции, на деле показать массам, что Советская власть умеет преодолевать трудности хозяйственной разрухи! Признаюсь, эти задачи захватили меня целиком. И вдруг известие об отозвании меня в Петроград. Два чувства боролись во мне. С одной стороны, все существо рвалось туда, в прекрасный Петроград. Хотелось снова дышать воздухом города революции, снова прикоснуться непосредственно к революционному творчеству петроградского пролетариата, воочию увидеть сказочный Смольный, где в живую действительность претворяются мечты всей твоей революционной жизни. Вера в конечное торжество пролетарской революции, всегда отодвигавшаяся до сих пор в туманную даль времени, к какому-то далекому «последнему и решительному бою», — эта вера, согревавшая и облегчавшая самые тяжелые и мрачные моменты нашего революционного подполья, там, в Смольном, сменяется явью, непрерываемо подтверждающей тот факт, что первый этап к конечному торжеству уже пройден, что первые камни нового мира закладываются уже теперь, уже сейчас...

С другой стороны, за дни только что законченных боев в Москве создалась такая спайка с московскими товарищами по работе, что как-то не мыслилось оторваться от тех, с которыми уже так много пережито, которые знают тебя и которых знаешь ты. В особенности странно было представить себе возможность оторваться от Басманного района (ныне Бауманского). Здесь, с пролетариями этого района, в постоянном и теснейшем общении с район-

ными работниками были проведены мною не только боевые дни Октябрьской революции, но и весь ближайший к октябрьскому взрыву период.

Этому раздвоению моего личного настроения положило конец письмо В. И. Ленина, присланное мне с т. Бубновым из Петрограда:

«Тов. Шлихтеру.

Дорогой товарищ! Ужасно ругаю Вас и все ругаем Вас. Нельзя оттягивать и колебаться в такие минуты. Нельзя дезертировать. Вы нужны в министры земледелия и должны выехать сюда т о т ч а с. Ругаем Вас за оттяжку жестоко.

До скорого свиданья

Ваш Ленин»¹

Я читал и перечитывал это письмо, и, чем больше вчитывался в его содержание, тем больше первоначальное недоумение сменялось тревогой, что в Питере делается что-то неладное. Почему? Где искать причины такого предположения? Ответ на это лежал в том эпизоде, который разыгрался в наших партийных руководящих кругах в самые первые дни после октябрьской победы в Петрограде на почве разногласий по вопросу о принципах формирования первого Совнаркома между Лениным и группой ответственных товарищей, которые подали заявления о выходе из ЦК².

Передо мной вставал вопрос: смогу ли я, отрываясь от рядовой работы, на которую меня поставила революция в Москве, оказаться полезным для работы в общегосударственном масштабе? Но кто мог бы ответить себе и о себе на этот вопрос тогда, в тот момент, когда предстояло совершенно новое, нигде и никем еще не испытанное и не

---

¹ «Ленинский сборник» XXI, стр. 92.

² В ноябре 1917 г. ЦК партии большевиков отверг требование Каменева, Зиновьева, Рыкова, Шляпникова и др. создать «однородно-социалистическое» правительство с участием меньшевиков и эсеров. После этого Каменев, Зиновьев, Рыков, Милютин заявили о выходе из ЦК. Рыков, Милютин, Шляпников, Ларин и др. вышли из состава Совнаркома.— *Ред.*

испробованное дело построения пролетарского государства, когда для начертания тех или иных практических организационных форм этого строительства в нашем распоряжении не было никаких иных ресурсов, кроме дерзаний революционного творчества? Я по крайней мере не нашел в себе тогда ответа на этот вопрос. Но я нашел его в иной плоскости.

— ЦК зовет, Ильич зовет — значит, это нужно, — сказал я себе.

— Так когда же едете? — спрашивает т. Бубнов.

— Если не успею собраться сегодня, то, во всяком случае, выеду завтра, — ответил я.

Эта поездка в Петроград была моим первым путешествием после Октябрьской революции. Фактически пачать это путешествие оказалось для меня совсем не так легко и не так просто, как собраться в дорогу. В моем кармане был пропуск на выезд из Москвы, был и железнодорожный билет, получение которого не потребовало никаких особенных хлопот, но... не оказалось ни одного вагона, где можно было бы найти свободное место. Пришлось обратиться к какому-то старшему по станции железнодорожному чину за содействием. Показываю пропуск, говорю о необходимости немедленно выехать в Петроград по важному делу. Увы! Не действует.

— Ничем не могу помочь.

— Я спешно должен сегодня же выехать по распоряжению председателя Совнаркома товарища Ленина. Потрудитесь немедленно предоставить мне какое-нибудь место, — потребовал я решительным тоном.

Это был весьма рискованный шаг. У меня не было не только удостоверения о цели моей служебной командировки, но не было с собой и письма т. Ленина. Стоило железнодорожнику попросить у меня документ, которым я мог бы подтвердить правильность своего заявления о причине поездки, — и я оказался бы в самом глупом положении. Железнодорожник не потребовал от меня служебного удостоверения и без дальнейших возражений пошел сам искать место. Вскоре он возвратился и проводил меня в вагон.

Итак, прощай Москва!

Хмурым ноябрьским утром подъезжал я к Петрограду. Незаметно прошла длинная осенняя ночь в сутолоке бит-

ком пабитого вагона. Спать не было никакой возможности на том клочке скамьи, который остался в моем распоряжении после нескольких операций уплотнения. Но спать и не хотелось. Физическая усталость целиком поглощалась нервным возбуждением, которое с каждой станцией нарастало все больше и больше и все напряженнее приковывало мысль к предстоящей работе.

Внешне вокзальная жизнь в Петрограде и вся вообще привокзальная обстановка в это время ничем уже не вызвали каких-либо представлений о только что пережитых днях великого пролетарского переворота. Все на своем месте, все привычно и обычно: есть и носильщики в фартуках, шеренгой встречающие поезд, есть и буфет на вокзале, и обилие подсолнечной шелухи, к которой так привык глаз за время революционной демобилизации старой армии, и так же, как и всегда, ты можешь сдать свой багаж в «комнату для хранения», так же, наконец, как и в «доброе старое время», первый, кто встречает тебя по выходе из вокзала, — это «самодержавный» городской «всея Руси» Александр III¹.

Нет, здесь все старо и знакомо, и здесь положительно нет *нового* Петрограда. Но ведь он есть в действительности, этот новый, невиданный мною до сих пор Петроград! Где же он?

В Смольном. Итак, скорее в Смольный!

Вот, наконец, и Смольный. Широко открытые решетчатые ворота, ведущие в огромный двор, прилегающий к многоглазому дому обычного казенного образца. Там и сям несколько торопливо спешащих фигур и десятков-полтора грузовых и легковых автомобилей недалеко от подъезда — такова была в это время внешняя картина Смольного. И только две трехдюймовки, стоявшие у самого входа в вестибюль по обеим сторонам главных дверей, говорили о том, чего ожидали, к чему готовились здесь всего каких-нибудь две недели тому назад.

Я не помню, потребовали ли у меня удостоверение личности, так как мое внимание в этот момент было поглощено наблюдением за всей обстановкой, в которой работал и действовал центральный аппарат Советской власти.

---

¹ Памятник Александру III, стоявший тогда на площади против вокзала.

Прежде всего бросалась в глаза относительная налаженность работы советского аппарата. Налаженность эта свидетельствовала об уверенности победившего пролетариата в завтрашнем дне.

— Здесь находятся хозяева, здесь все у себя дома, — так мог бы я сформулировать итог своих первых внешних впечатлений от общей обстановки Смольного.

Проходил ли я мимо красногвардейца-рабочего, стоявшего на посту с винтовкой, встречался ли с кем-нибудь из служащих в коридоре, или прислушивался к ответам, которые время от времени давал посетителям выходящий в приемную секретарь Совнаркома (кажется, т. Горбунов), — на всем лежала печать деловитости и уверенности.

И, наконец, отчетливо осталось в памяти впечатление от первого моего дня в Совнарком: необычайная простота двух примыкающих к кабинету Ленина комнат — приемной и общей канцелярии, а также необычайная доступность советского персонала для посетителей.

Что представляла собой в сущности эта так называемая «приемная»? Большая, какая-то несуразная проходная комната, перегороденная двумя деревянными диванами на две неравные части. В промежутке между диванами небольшой столик, за которым сидит сотрудница, спрашивающая каждого о цели прихода. После опроса посетитель переходит в большую часть комнаты, которая и служила собственно приемной. Простой стол с чернильницами, диван и несколько венских стульев — вот и вся обстановка совнаркомовской приемной в те дни.

Сколько радости и удовольствия должна была оставлять эта простота обстановки в душе рабочего и крестьянина, которые приходили в Смольный по разным делам к своему правительству. Совнаркомовская канцелярия, та комната, которая непосредственно вела в служебный кабинет Ленина, тоже была большая и наполовину пустая комната. Три простых канцелярских стола, один столик с пишущей машинкой, два шкафа, несколько стульев да простая, наскоро сколоченная вешалка у двери в кабинет Ленина, на которую обыкновенно вешали пальто входящие к нему посетители, — вот и вся обстановка канцелярии.

В эту комнату был сразу пропущен и я. Через несколько минут я был уже в кабинете у Ленина.

— Ну, вот, мы вас давно уже ждем, товарищ Шлихтер,— встретил меня Ленин с тем обычным товарищеским радушием, которое было так свойственно ему не только в личных, но и в деловых отношениях.— Что вы так долго собирались?

Я поспешил рассказать Ленину, как было дело с его письмом, и вкратце передать ему о московских настроениях и работе.

Ленин — весь внимание. Правый глаз прищурен, левый сосредоточенно всматривается в меня.

— На ближайшем заседании Совнаркома будет оформлено ваше назначение комиссаром земледелия,— заканчивает наше деловое свидание Ленин.— Но было бы хорошо, если бы вы сейчас же занялись приемом крестьянских делегатов с мест. Нужны конкретные разъяснения и инструктирование мест о практических мероприятиях, связанных с декретом о конфискации земли. С этим нельзя медлить, а делать это некому. Затем немедленно же надо взять министерский аппарат в свои руки и спешно выработать Положение о земле. В канцелярии вам передадут все дела и материалы.

Такова была кратко сформулированная Лениным программа работ, намеченных в первую очередь для центрального аппарата Советской власти по земельному и в связи с этим по крестьянскому вопросу.

Да, действительно медлить нельзя было. Декрет о земле, изданный в первые же часы Великой пролетарской социалистической революции (8 ноября 1917 г.), содержал лишь принципиальные пункты о конфискации земли и передаче ее в трудовое уравнильное пользование крестьянам. Практическое проведение конфискации и передача земли крестьянам возлагались на местах на волостные земельные комитеты и уездные Советы. При передаче земли возникало много споров, возникали самые разнообразные вопросы, с которыми крестьянские ходяки приезжали в Петроград, чтобы получить ответ от центральной власти. На эти вопросы нужно было срочно отвечать, нужно было практически руководить проведением земельной реформы и, утоляя вековечные чаяния крестьян получить землю, крепить союз пролетариата и трудящегося крестьянства. А то, что пролетарская революция может победить только при поддержке крестьянства, для

нас, большевиков, давно уже было истиной. Вот для чего нужны были, и спешно нужны, конкретные разъяснения крестьянским делегатам и овладение министерским аппаратом.

Естественно, что Ленин дал мне лишь общие принципиальные указания, не вдаваясь в детали о способах и средствах осуществления намеченных задач. Найти эти способы, определить революционную целесообразность той или иной практической меры — в этом заключалась ответственная и трудная сторона той работы, которую на меня возлагали.

Потребность в ком-нибудь специально предназначенном для текущей работы по комиссариату земледелия была в тот момент так велика, что мне действительно пришлось буквально исполнить предложение Ленина «сейчас же» приступить к своим обязанностям.

Одна из служащих канцелярии Совнаркома, временно исполнявшая разнообразные поручения справочного характера по делам комиссариата земледелия, уже поджидала меня у выхода и, узнав о моем назначении, просила меня немедленно принять от нее «дела» и «канцелярию». У меня еще не было квартиры, и вообще я не успел еще как следует оглядеться после бессонной ночи в поезде, но ее порывистое стремление поскорее ввести меня, так сказать, во владение моим новым делом так заразило меня, что я без возражений согласился сразу же приступить к исполнению своих обязанностей.

— Вот ваша канцелярия, — сказала она мне, подведя к одному из шкафов, стоявшему тут же у стены, и раскрывая его. — Вот здесь печатные экземпляры обращения к крестьянам с некоторыми руководящими указаниями; это единственное, что мы имели до сих пор и что мы даем каждому крестьянину, который приходит к нам. А здесь, — продолжала она, показывая на другую полку, — лежат письменные и телеграфные запросы с мест и заявления крестьянских делегатов.

— Это все? — спросил я.

— Все.

— Ну, а где я мог бы работать? Столик бы мне какой-нибудь и один-два стула, — хлопотал я об оборудовании моей канцелярии, не без смущения оглядывая окружающую обстановку.

Мое смущение было не напрасно, ибо просьба оказалась действительно не из легких для Смольного в те дни: всего было в обрез.

— Кабинета для комиссара земледелия здесь нет; придется вам временно работать здесь же, в общей канцелярии. А стол?..— задумалась устроительница моего делового пристанища.— Возьмите себе вот этот столик, который предназначен для посетителей Владимира Ильича, и стулья достанем.

Моя канцелярия была вся при мне и со мной, мой «кабинет» был готов.

Впоследствии мне в Петрограде и в других местах моей работы приходилось иметь разнообразные кабинеты. И, право же, я затрудняюсь сказать, работалось ли мне в них когда-нибудь так весело и с таким деловым зудом, как это было в те семь-восемь дней, которые я провел за своим наркомземовским столиком в общей канцелярии Совнаркома. И было это только потому, что вся моя работа в эти дни, в течение служебных часов, протекала почти исключительно в деловом и непосредственном общении с представителями крестьянской массы, с теми «ходаками», которые в Смольном искали разрешения всех своих вопросов и сомнений. Изю дня в день проходили они передо мной со своими запросами и нуждами, касающимися «своего» села, столь разнообразными и в то же время столь похожими один на другого!

— Что же и как оно будет?..

— Как ее, землю-то, к примеру, взять?..

— Потому, видишь, товарищ, надо, чтобы для всех безобидно...

Вот основное содержание тех практических вопросов, из-за которых деревня посылала своих ходяков в Петроград, чтобы получить разъяснение их в Совнаркоме вообще и в частности «непременно у самого Ленина». Декрет пролетарской революции о немедленной передаче всей земли трудящемуся крестьянству всколыхнул деревню до самых глубин ее. Деревня судорожно рвалась к деловому закреплению земельной реформы, но декрет о земле устанавливал лишь общую норму революционного права. В эту общую норму деревня пыталась немедленно же влить содержание революционной практики и тянулась к центру за указаниями и ответами.

Перебирая в своей памяти все, что мне довелось видеть и слышать в это время, я не могу не рассказать об одной сценке, как наиболее показательной и поразившей меня своей непосредственностью. На второй или третий день моего наркомземства в мою приемную явилась делегация, состоявшая из трех хлеборобов Черниговской губернии. Среди них особенно выделялся представительный седобородый старик, настоящий крестьянин, только что, казалось, оторвавшийся от сохи. Он обратился ко мне с расспросами, касающимися индивидуальных и конкретных нужд его деревни в земельном вопросе, получил от меня все разъяснения и указания, но, в то время как все другие делегации, получив ответ, обыкновенно сразу же уходили, я замечаю, что мой старик уходит не собирается. Жду, что будет дальше... Немного помявшись и покряхтев, как это обыкновенно делают крестьяне в затруднительных случаях, старик спрашивает меня:

— Товарищ, как бы повидать Ленина?

— А зачем,— говорю,— он вам нужен?

— Не могу уехать домой, не повидавши товарища Ленина. Я должен его повидать и должен сказать потом своим, что я его видел. С таким наказом послали меня сюда мои односельчане. Они мне сказали: «Непременно от самого Ленина узнай, что и как надо делать».

Желание старика меня весьма заинтересовало. Подобного рода общение самой «земли», самих масс, творящих революцию в глухих углах далекой провинции, с выразителем интересов этой революции, с ее душой и мозгом — с Лениным, показалось мне не лишенным тактического значения. Но я чувствовал себя в некотором смущении. Я знал, что когда приду к нему и скажу, что его хочет видеть делегат от Черниговской губернии, то он замашет руками и скажет мне:

— Уж вы, пожалуйста, сами там сделайте, что нужно.

Но для меня не было сомнений, что товарища Ленина надо было непременно показать крестьянскому делегату, и я этих крестьян к нему свел. И надо было видеть через две-три минуты это буквально одухотворенное счастьем лицо — говорю без преувеличения — седобородого старика, когда он вышел от Ленина.

— Спасибо, товарищ! — благодарил он меня. — Теперь я все расскажу дома.

Был ли этот крестьянин коммунистом? Конечно, нет. Сделался ли он коммунистом впоследствии? Почти наверно — тоже нет. Не о коммунистическом просветлении и не о каком-нибудь понимании общих величайших задач социалистической революции крестьянством говорило лицо старика, а об искреннем и глубоком доверии в тот момент к Коммунистической партии, которая впервые и всерьез, по-настоящему осуществила заветные думы крестьянства о земле.

Два-три дня спустя после начала моих работ в комиссариате я на заседании Совнаркома был официально назначен исполняющим обязанности народного комиссара земледелия. Теперь можно было бы сразу приступить к выполнению второй задачи, порученной мне Лениным, а именно к овладению центральным аппаратом министерства земледелия. Но в этот момент уже началось наше «сватанье» с левыми эсерами. Невеста была с запросами. Одним из категорических требований левых эсеров было неременное предоставление поста наркома земледелия. Только на этом условии (не касаясь других, менее важных требований) вырисовывалась реальная возможность действенного, немедленного и безоговорочного принятия партией левых эсеров, как партией, Советской власти и согласия эсеров разделить с коммунистами ответственность власти. Только при этом условии можно было добиться столь необходимой для революции смычки организованного пролетариата со Всероссийским крестьянским съездом, отражавшим земельные чаяния широких крестьянских масс и руководимым Центральным комитетом левых эсеров, во главе с виднейшими его членами: «Марусей» (Спиридоновой) и Натансоном.

— Только мы являемся истинными выразителями интересов широких *трудящихся* масс крестьянства, ожидающих от революции социализации земли. Поэтому в наших руках должно быть распоряжение комиссариатом земледелия, которому предстоит практическое осуществление задач социализации земли — таково было в общем принципиальное обоснование левыми эсерами своего ультиматума предоставить им фактическое обладание Наркомземом.

— Если мы можем получить в качестве союзника крестьянство на условиях предоставления левым эсерам воз-

возможности строить социализацию земли,— то им и перо в руки, пропишем в декрете социализацию, дадим им ее — и пускай строят. Жизнь скоро разоблачит сущность этой «социализации» и подорвет вместе с тем доверие крестьянства к левозсеровской партии,— так, в общем, говорил по этому вопросу т. Ленин в одной из бесед со мной, в связи с возникшими среди некоторых из наших товарищей (ответственных работников) растерянностью и даже конфузом перед предстоящим декретом о «социализации».

— Мы знаем, что никакой социализации крестьянского хозяйства сейчас в действительности быть не может; ведь это же нелепость — подписываться под таким декретом,— говорили эти товарищи.

Когда на II съезде Советов кто-то возражал против декрета на том основании, что он эсеровский, Ленин ответил: «Здесь раздаются голоса, что сам декрет и наказ составлен социалистами-революционерами. Пусть так. Не все ли равно, кем он составлен... В огне жизни, применяя его на практике, проводя его на местах, крестьяне сами поймут, где правда... Жизнь — лучший учитель, а она укажет, кто прав, и пусть крестьяне с одного конца, а мы с другого конца будем разрешать этот вопрос»¹.

НАКАНУНЕ БРЕСТА

В первые недели после октябрьского переворота германский империализм был еще могуч, армия немецких рабочих и крестьян, скованная железной дисциплиной, была еще по-прежнему сильна. Против германского империализма стояла наша только что рожденная Советская республика, нищая и разоренная империалистической войной, а против немецкой армии стоял в передовых окопах раздетый и разутый, измученный голодом и холодом солдат русской армии, сосредоточенно думавший и живший в эти дни лишь одной мыслью: «Домой... К себе, к своему разоренному и обездоленному хозяйству».

Перед Советской властью Октябрьская революция ставила здесь, на этих передовых окопах германско-русского фронта, свою первую труднейшую и не терпящую ника-

---

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 26, стр. 228.

кого отлагательства задачу — изыскать способы спасения первой Советской республики от готовящегося к последнему прыжку германского хищника.

Мне кажется, что в это время мы все, за исключением, быть может, весьма немногих, питали в тайниках своей души надежду, что революционный энтузиазм рабочего класса совершит и в этом отношении чудеса — сумеет сдержатъ натиск германской армии и тем самым принудит германский империализм принять наше предложение о мире и даст нам возможность заключить этот мир на условиях возможно более выгодных.

Но, пожалуй, в данный момент был фактически лишь один среди нас, который со всей ясностью и со всем реализмом подходил к этому вопросу — не с точки зрения размышлений о том, чего бы нам хотелось, а с точки зрения учета нашей живой силы и общей обстановки нашей страны как предпосылки при выборе средств для осуществления того, чего нам хотелось бы.

Этот один был товарищ Ленин.

Следуя своему обыкновению намечать конкретные меры боевой тактики лишь после ознакомления с общими условиями, определяющими наши силы и *реальные* возможности *в данный момент*, Ильич в этом вопросе начал загодя, прежде всего *с изучения* его по точным, обоснованным данным.

В моей памяти живо и отчетливо запечатлелась вся обстановка и настроение Совнаркома на заседании его в декабре 1917 г. при заслушании доклада главковерха нашей армии т. Крыленко. Сначала все шло благополучно. Не только хотелось, но казалось, что и можно было со спокойствием и уверенностью считать наши фронтовые дела не такими уж плохими. Дивизия за дивизией, полк за полком, воинские части разных родов оружия выступали перед нами в виде боевых единиц, которые все еще стоят на своих местах, которые полны еще людьми, которые имеют еще кое-какие запасы продовольствия и боевого снаряжения.

С напряженным вниманием слушает Совнарком т. Крыленко. Не спуская глаз с его лица, слушает и Ленин. И вдруг в тот момент, когда стало складываться представление, что в отношении нашей боеспособности не все уже так плохо, не все еще потеряно, Ильич задает вопрос:

— А скажите, каково *ваше личное* мнение и как думают воинские комитеты, захотят ли наши солдаты сражаться в случае, если немцы станут наступать?

И вот тут-то жутью стало отлагаться в душе каждое новое слово докладчика и каждый факт, освещающий действительное положение вещей. Во-первых, почти все комитеты дружно и уверенно говорят о том, что наша армия, хотя еще и не потеряла способности стоять в окопах и кое-как нести воинскую службу, но безусловно бросит окопы и разбежится при первом же продвижении немецких армий. Таково же мнение и самого т. Крыленко, ознакомившегося с положением дел на фронте. Во-вторых, обнаружилось еще одно обстоятельство. На нашем фронте в тот момент было еще очень много артиллерии, но... уже не было у нас конского состава, который требуется для артиллерийских операций. Войсковые лошади дохли от бескормицы, а те, которые держались еще на ногах, были так слабы, что оказались бы не в состоянии перевозить орудия с места на место, и в случае отступления мы были бы просто лишены возможности увезти с фронта нашу артиллерию.

— Ваша информация кончена? — спрашивает Ильич т. Крыленко.

— Да, — ответит Крыленко.

— Переходим к следующему вопросу, — снова обращается Ильич уже к Совнаркому.

Прошло несколько дней в сутолоке обычной, повседневной работы. Я не знаю, что делалось в эти дни в ЦК партии по вопросу о положении на нашем фронте, но на заседаниях Совнаркома, которые в этот период происходили еще ежедневно и затягивались нередко до глубокой ночи, никаких вопросов в связи с докладом т. Крыленко не ставилось и не обсуждалось.

Что делал в эти дни Ленин? В каком направлении работала его мысль и остановился он уже в этот момент, *хотя бы пока только для самого себя*, на твердом и законченном заключении о необходимости немедленного мира с Германией? Я думаю, что это было именно так: вопрос о мире, как единственном средстве спасения Советской республики, сам по себе не вызывал у Ильича после доклада т. Крыленко никаких колебаний, но вопрос о границах жертв, как о плате за мир, допустимых для инте-

ресов революции, не исключая и жертв территориальных, к которым надо быть готовым, как к возможным ультимативным требованиям врага,— этот вопрос, мне думается, был для Ильича в этот момент еще в стадии той предварительной проработки в виде прощупывания мнений и взглядов своих товарищей, какую Ленин обычно практиковал, прежде чем выступить с определенным и законченным решением.

Такое свое мнение я вывожу из следующего факта. Вскоре после доклада т. Крыленко я зашел как-то в кабинет Ленина для информации его по делам продовольствия. И вот — не помню, как именно, но совершенно неожиданно для меня,— Ильич перевел беседу нашу на доклад т. Крыленко и заговорил о мире.

— Но ведь они потребуют Курляндию? — вдруг обращается ко мне Ильич с вопросом.

Один глаз его прищурен, другой впился в меня. Тоном вопроса Ильич спрашивает, не подсказывая, ждет ответа, ничем не намекая на свои собственные мысли. Это был один из тех экзаменов, которыми Ильич прощупывал своего собеседника до дна.

— Владимир Ильич,— ответил я,— но ведь воевать нечем, а Курляндию мы получим назад от германского пролетариата.

— Совершенно верно, мы потом ее получим,— живо и быстро подхватил Ильич.

Мне кажется, что эти живость и быстрота обнаруживали сложившийся у Ильича уже в *тот момент* тактический маневр спасения Советской республики — не останавливаться, если это потребуется, перед уступками нашей территории.

Прогноз Ильича о судьбе Курляндии был оправдан действительностью. Немецкий империализм ее отнял, но через несколько месяцев Курляндия уже как Советская Латвия входила в состав братского союза советских республик. Пусть этот союз с Советской Латвией был кратковременным. Мы были в то время еще слишком слабы, и Советская Латвия вскоре была раздавлена силами окружающего нас капиталистического мира.

КАК ФИНЛЯНДИЯ ПОЛУЧИЛА НЕЗАВИСИМОСТЬ

Лозунг «мир без аннексий и свобода самоопределения наций» был Временным правительством Милюкова — Керенского густо замазан грязью буржуазного лицемерия при благосклонном участии эсеровско-меньшевистского Совета рабочих и солдатских депутатов первого созыва. После всех проделок эсеров-меньшевиков в национальном вопросе было бы наивно рассчитывать на серьезную поддержку этого нашего требования международным пролетариатом, пока мы сами, на своем собственном примере, не докажем, что у нас слово не расходится с делом.

Этот первый урок предметного обучения в национальном вопросе был дан Советской властью на примере с Финляндией. Десятки лет ждал финский народ, что царское правительство внемлет его мольбам и даст Финляндии если не государственную независимость, то хотя бы лишь право заниматься своими местными общественно-хозяйственными делами (строить дороги, руководить школами, созывать собрания своих выборных, доверенных людей и т. п.) без возможного в каждый момент вмешательства русских полицейских и жандармских властей. А царское правительство отвечало на эти мольбы тем, что все больше и больше затягивало на Финляндии петлю политического угнетения и в конце концов дошло до того, что незадолго до февральской революции сослало виднейшего представителя финляндской буржуазии Свинхувуда в Сибирь.

Наступила февральская революция. Государственная власть перешла от царского правительства в руки российской буржуазии с Милюковым, Керенским и прочими министрами Временного правительства во главе. Буржуазное правительство извергало потоки красивых и торжественных слов о том, что пора политического бесправия народностей, составлявших Российскую империю, навсегда миновала и что отныне они, министры Временного правительства, обеспечат политическую свободу всем народам России.

Политическая амнистия, объявленная в первые же дни после свержения самодержавия и вернувшая из Сибири в

числе прочих и Свинхувуда, как бы подтвердила уверенность, что у министров российской буржуазии слово не расходится с делом.

— Теперь самая пора,— сказала себе финляндская буржуазия, и заскрипели перья с «почтительнейшим», выражаясь языком буржуазии, ходатайством к Временному правительству о признании государственной самостоятельности Финляндии.

Но министры-капиталисты, эти «лучшие люди земли русской», как писали о них буржуазные газетчики, вместо самостоятельности подарили Финляндии... нового генерал-губернатора в лице члена Государственной думы Стаховича. Николай II посылал в Финляндию генерал-губернаторами разных Бобриковых, невежественных, тупых, прямолинейных, грубых солдафонов, а Временное правительство послало ласкового, деликатного и «просвещенного» либерала. В этом, собственно, и заключалась разница между правительством Николая II и Временным правительством по отношению к вопросу о государственной независимости Финляндии.

Но вот пронеслась гроза Октябрьской революции, и господству буржуазии был положен конец. Власть перешла в руки рабочего класса. Одним из первых слов новой власти было открытое признание ею полной свободы самоопределения вплоть до государственного отделения для всех национальностей, входивших в состав бывшей Российской империи.

И снова финляндская буржуазия стучится в дверь с протянутой рукой. Скромно и смиренно стояла в конце ноября 1917 г. у дверей кабинета председателя Совнаркома Владимира Ильича Ленина специальная делегация финляндского буржуазного правительства со Свинхувудом во главе. Они приехали, чтобы получить из рук Советской власти документ о признании Финляндии самостоятельным и независимым от России государством. Чистенькие, крахмальные, чопорные, в сюртуках с иголки, они как-то странно и чаще, чем следует, улыбались и, видимо, были смущены.

Что их смущало? Эта ли наскоро сколоченная, простая, деревянная вешалка у дверей главы государства, где им самим, без швейцаров и лакеев, пришлось повесить свои меховые пальто? Или эта диковинно простая прием-

ная, где им надо стоять и ожидать? Или, наконец, их смущал и коробил самый факт оказаться в роли просителей у порога *рабочей* власти?..

А там за дверью, в кабинете Ленина, были тоже смущены, хотя совсем иначе и совсем по-иному.

— Владимир Ильич! Финляндская делегация явилась и просит принять ее...

— Вот акт о независимости. Все в порядке. Отдайте им.

— Владимир Ильич! Но ведь это вам самому надо вручить его!

— Почему же непременно мне? Ну, устройте это как-нибудь, скажите, что нельзя прервать очень важное заседание.

— Ну, нельзя же так, Владимир Ильич, это значило бы, что вы отказываете им в приеме, неудобно ¹.

Ленин сдался, уступил. Открылась дверь, и тут же, у порога кабинета, произошла эта характерная по новизне и необычайности церемония дипломатической встречи двух миров: изысканно сшитых буржуазных сюртуков с простеньким темноватого цвета советским пиджачком...

Так без буржуазного шума и без буржуазных выкриков в две минуты было сделано то дело, за которым приехала финляндская делегация. Так Совет Народных Комиссаров дал Финляндии без какого бы то ни было торгашества и лукавства, честно, открыто и искренне то, что было провозглашено победоносным пролетариатом в первые же дни Октябрьской революции.

Урок предметного обучения тому, *как именно* надо подходить и разрешать вопрос о праве наций на самоопределение, был дан Советской властью международному пролетариату с исчерпывающей полнотой и убедительностью. Так из рук пролетарской диктатуры Финляндия получила, наконец, свою независимость. К сожалению, Коммунистическая партия Финляндии и финский пролетариат были еще слишком слабы и не сумели использовать эту независимость в свою пользу.

---

¹ Фразы Ильича переданы мною, может быть, без текстуальной точности (давно уже это было), но в содержании их и в общем характере беседы я не ошибаюсь.

ОТПОВЕДЬ ЛЕВЫМ ЭСЕРАМ

Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, или ВЧК, была сконструирована как организованный аппарат государственной власти лишь 7 декабря 1917 г. Первым председателем ВЧК был назначен т. Дзержинский с коллегией при нем. Организация этого аппарата в смысле пунктуального и незамедлительного закрепления в соответствующих записях его распоряжений и действий была, пожалуй, гораздо труднее, чем организация любого другого советского аппарата, из-за чрезвычайной спешности возникавших в его ежедневной практике мер по борьбе с контрреволюцией и связанной с этим крайней перегруженности работой отдельных сотрудников и в особенности следователей.

Контрреволюция весьма деятельно организовывалась уже в этот ранний период пролетарской революции. Случайный арест одного мелкого чиновника Громова¹ и найденные у него записочки и бумаги обнаружили с несомненностью кротовую контрреволюционную работу. Каждый день приходилось мобилизовать слабые еще тогда силы государственного аппарата для внешних операций, и поэтому совершенно естественно, что *канцелярская* сторона работы ВЧК не могла еще в то время выполняться с соблюдением всех формальностей, какие должны быть присущи всякому государственному аппарату, действующему в рамках налаженной, *нормальной* работы.

Контрреволюционные элементы и обывательщина, падкая на всякие слухи и разговоры, начали создавать и распространять вокруг ВЧК клеветнические измышления о

---

¹ Дело Громова со всеми документами было немедленно представлено Ленину для ознакомления. Ленин, бегло ознакомившись с этим делом, поручил мне тщательно разобраться во всех документах, повидаться лично с Громовым, который был заключен в Петропавловскую крепость, и доложить ему свое заключение. Исполняя это поручение, я имел свидание с Громовым и провел в беседе с ним около часу времени. В мою задачу входило выяснить, не является ли Громов просто жертвой обывательщины, подхватившей и распространившей чьи-то клеветнические и гнусные измышления. Громов держал себя благодушным, невинным дурачком и настойчиво отшучивался, что отобранные у него стихи, им же сочиненные, являются не прокламацией, а просто «юмористической шалостью». Дело Громова было передано ВЧК. Не помню, чем оно закончилось.

том, что арестованные даже не записываются в книгу, что им не предъявляется никакого обвинения, что деньги и вещи, отбираемые у арестованных, хотя и записываются, но расхищаются следовательским персоналом и пр.

Контрреволюционное окружение Советской власти, начинавшее мобилизовывать свои силы для открытого нападения на революцию, нашло сообщников в самом центре Советской власти в лице левых эсеров, получивших при соглашении с Коммунистической партией четыре или пять (хорошенько сейчас не помню) портфелей в Совнаркоме, в том числе портфель наркома юстиции, каковым был назначен член левоэсеровской партии Штейнберг.

Вот в лице этого-то Штейнберга контрреволюция и нашла своего агента. На одном из заседаний Совнаркома (кажется, во второй половине декабря) наркомюст Штейнберг выступил с заявлением о том, что в ВЧК совершаются по отношению к арестованным злоупотребления уголовного характера, что в его распоряжении имеются факты, вызывающие необходимость немедленного отстранения от работы некоторых следователей с привлечением их к ответственности за хищение, что аресты производятся без соблюдения условий, гарантирующих граждан от произвола агентов ВЧК, и что требуются немедленное изъятие следственных дел из ВЧК и передача их в Наркомюст.

— Так, у вас есть доказательства хищения ценностей и денег? Вы можете представить эти доказательства сейчас? — спрашивает Ильич Штейнберга.

— Да, доказательства есть, — отвечает Штейнберг. — Но в интересах дела я представлю эти доказательства Совнаркому лишь после обревизования следственной части.

— Обвинение серьезное, требующее принятия немедленных мер. Предлагаю, — говорит Ленин, — выделить из состава Совнаркома специальную комиссию с участием Наркомюста для расследования фактов, известных Штейнбергу; предоставить в распоряжение этой комиссии для просмотра все дела и обязать ее в кратчайший срок доложить о результатах расследования Совнаркому.

Предложение было принято без прений, срок был назначен «календарный» (как всегда делал Ленин, давая кому-нибудь деловые поручения) и весьма непродолжительный. И вот в один прекрасный день (или, вернее, ночь,

потому что это было в 1—2 часа ночи) в Совнаркоме был заслушан доклад комиссии о результатах расследования.

Не помню, кто из наркомов делал доклад, но участие в докладе принимал и Штейнберг. Оказалось, что наличность отобранных денежных сумм и ценностей соответствует записям инвентарной книги, что опросом арестованных не обнаружено неправильностей в этих записях и что предъявление конкретных фактов, вызывавших арест определенных лиц, не всегда возможно до окончания следствия, так как иначе органы следственной власти могли бы оказаться в положении фактической невозможности использовать все данные для изобличения арестованного.

Этих данных расследования комиссии не опровергал и Штейнберг, но тем не менее настаивал в качестве генерального прокурора республики на согласовании приказов ВЧК об арестах с Наркомюстом, а также на предоставлении ему права изъятия дел из следственного производства в ВЧК и отмены распоряжения ВЧК в тех случаях, когда он это найдет нужным. Все это мотивировалось интересами «революционной законности».

Я ни разу — ни до, ни после этого — не видел Ленина в такой степени возбужденным, как это было после выслушания требований Штейнберга.

— Так вы что же, после того как ваши материалы о хищениях и воровстве оказались вздором, позволяете себе уверять нас в существовании еще каких-то доказательств?! Но почему мы должны верить вам, что эти ваши доказательства не окажутся снова вздорной обывательской сплетней? Вы говорите нам о революционной законности. Да, революционная, да, законность. Но какие мероприятия могут считаться действительно революционными и действительно законными в условиях незаконченной революционной борьбы за диктатуру пролетариата?! Только такие, которые действительно реально, а не на словах могут содействовать окончательному закреплению октябрьской победы пролетариата, облегчать его борьбу с буржуазией, а не затруднять, всеми мерами предохранять его от контрреволюционного нападения... Все эти меры чрезвычайные, ибо и опасности, грозящие пролетариату от контрреволюции, тоже чрезвычайные. И вот в момент, когда

контрреволюция вне всякого сомнения начинает прощупывать средства и способы организации своих сил, когда нужно своевременно, быстро и решительно принять все меры для предотвращения угрожающей революции опасности, вы предлагаете нам запрашивать у вас и советоваться с вами по поводу необходимых арестов и предоставить вам право извлекать из ведения Чрезвычайной комиссии всякое дело, которое вы найдете нужным рассматривать с соблюдением условий, допустимых в мирное время! Это было бы чудовищным пренебрежением нами революционными средствами для революционной самозащиты. Чрезвычайная комиссия потому и есть чрезвычайная, что она создана для борьбы в чрезвычайное время, время гражданской войны, и на ограничение ее прав мы не пойдем¹.

Эта отповедь Ленина дышала гневом и насмешкой.

Это был, по-моему, переломный момент во взглядах Ленина на «сотрудничество» с левыми эсерами. Я лично не знаю, замечал ли Владимир Ильич до этого момента в практике левоэсеровских наркомов что-нибудь противоречащее интересам диктатуры пролетариата, но, я думаю, не ошибусь, что именно так расценивал он данное выступление Штейнберга по вопросу о ВЧК.

РАЗГРОМ ЛЕВОЭСЕРОВСКОЙ АВАНТЮРЫ

Заговор левых эсеров в июле 1918 г. захватил нас в известной мере врасплох, потому что руководство организацией заговора гнезилось, как оказалось, в самой ВЧК в лице левого эсера Александровича, являвшегося одним из ответственных сотрудников Чрезвычайной комиссии. Но, невзирая на эту *неожиданность*, левые эсеры имели возможность убедиться на заседании V съезда Советов в Большом театре, где был разыгран первый акт контрреволюционной авантюры, что коммунисты сумеют бесстрашно, сомкнутыми рядами встретить любую опасность. Особенно показательным в этом отношении был момент взры-

---

¹ Я передаю речь т. Ленина не в текстуальной точности, а лишь придерживаясь основных ее мыслей, поскольку они остались в моей памяти.

ва двух бомб¹ в верхнем ярусе театра, как раз против сцены, где находился президиум и многие ответственные работники. Взрыв произошел уже после раскрытия левоэсеровского заговора и поэтому в представлении всех присутствовавших мог истолковаться как начало вооруженного покушения на съезд.

Спокойно и выдержанно встретил взрывы бомб съезд в целом и президиум, в котором на председательском кресле находился бессменный до самой смерти председатель ВЦИК Я. М. Свердлов. Ни один мускул не дрогнул на его лице, ни в одном движении его корпуса не отозвался этот кошмарный по своей неожиданности взрыв.

Вот он таким же, как всегда, громким, отчетливо звучащим и в то же время мягко-басистым голосом сообщает съезду, что фракция левых эсеров, поднявшая руку на диктатуру пролетариата, уже арестована во главе с ее лидером — известной Марусей Спиридоновой. Левоэсеровская авантюра встретит Советскую власть готовой к защите Октябрьской революции, располагающей достаточными силами, чтобы ответить ударом на подло замышляемый левыми эсерами удар в спину революционного пролетариата.

Было объявлено, что участники съезда — коммунисты сейчас же должны отправиться из театра на Малую Дмитровку, в дом № 6 (не помню точно, какое учреждение в тот момент там размещалось), для получения инструктивных указаний о ближайших мерах борьбы и для распределения по районам.

Когда я вышел из театра, ближайшие места, прилегающие к Театральной площади (площадь Свердлова), и сама площадь носили уже признаки военно-боевой обстановки: всюду кавалерия, всюду патрули, везде требуется пропуск.

Собрание на Малой Дмитровке затянулось до вечера. Уже вечером я и несколько других членов коллегии Наркомпрода в автомобиле т. Цюрупы вместе с ним же направлялись по своим районам. Наш путь лежал через

---

¹ Часовой в верхнем ярусе при выходе из ложи в коридор зацепил шнуром, на котором были прицеплены бомбы, за какой-то крюк. Бомбы взорвались. Часовой был смертельно ранен. Из окружающих, кажется, никто не пострадал.

Покровку. Недалеко от въезда на Покровку наш автомобиль был задержан каким-то стоявшим на посту часовым-красноармейцем:

— Стой! Вылезай из автомобиля!

Цюрупа, видя, что заявления шофера не помогают, говорит:

— Автомобиль наркома продовольствия, не задерживайте!

Но часовой открыл дверцу автомобиля и потребовал:

— У кого есть револьвер? Давайте...

Оказалось, мы попали в район, находившийся уже в фактическом распоряжении начальника восставшего гарнизона левого эсера Попова, размещавшегося в районе Покровки в ныне им. Дзержинского казармах. Несколько револьверов было уже сдано и оставалось отдать мне еще и свой револьвер. Но часовой, видимо торопившийся, чего-то замешкался и позабыл обо мне.

— Вылезай все! Автомобиль вместе с шофером отправится в штаб Попова.

Так мы и остались без средств передвижения. Я жил недалеко от Покровки и решил по пути в свой Бауманский район зайти сначала к себе на квартиру, а потом пробраться в Московский Совет, для того чтобы там ознакомиться с территориальным распространением восстания и уже оттуда отправиться в район.

Как оказалось, Покровка была оцеплена патрулями Попова не на большом протяжении, и потому мне сравнительно легко удалось пробраться к себе домой. Но задерживаться дома было нельзя, ибо от арестованного шофера могли получить квартирные адреса членов коллегии, которые ехали в задержанном автомобиле, и прийти за нами... Поэтому я поспешил глухими переулочками выбраться из района, охваченного все расширявшимся кольцом оцепления, и уже поздно ночью добрался до Московского Совета. Совет был почти пуст. Уже собираясь уходить, встречаю Ногина, который также надеялся в Московском Совете узнать о положении вещей.

— Пойдемте в Кремль, там узнаем,— предлагает Ногин.— По телефону нельзя дозвониться.

И мы вместе с Ногиним отправились в Кремль, по пути было какое-то особенное, зловещее безлюдье, патрули отсутствовали, но кремлевский караул, как всегда, был на

своем месте и без всякой задержки пропустил нас по обычным, имевшимся у нас пропускам.

Так я совершенно неожиданно попал в Кремль в тот момент, когда с минуты на минуту уже ожидался конец эсеровской авантюры. Вот и Совнарком. Вот и канцелярия его, а рядом комната заседаний. С первого взгляда здесь все, как и всегда, обычно и на своем месте. Только машинистки, кажется, как будто не только деловым образом озабочены, но и как-то возбуждены, да еще бросалось в глаза то, что на подоконниках лежало несколько раскупоренных и опорожненных банок из-под рыбных консервов. Потом я узнал от т. Сергеевой (машинистки или регистраторши, не помню), что этими консервами закусьивал вместе с несколькими другими товарищами Ильич.

Вот и сам Ильич. Все такой же, как и всегда, спокойный и уравновешенный.

— Ну, что скажете? — спрашивает он, увидя меня.

Я ему рассказываю о происшествии в районе действий отряда Попова и заканчиваю свой рассказ сообщением, что револьвер остался у меня в целости.

Ильич превесело и добродушно засмеялся:

— Да зачем же им ваш револьвер? Ведь они и стрелять-то не умеют! Метят все в Кремль, а попадают... куда угодно, только не в Кремль...

Ильич имел в виду несколько пушечных снарядов, выпущенных эсерами с прицелом на Кремль.

Авантюристы, оказалось, замахиваясь на диктатуру пролетариата, и действительно стрелять не умели.

В этой шутке Ленина было полной мерой отмерено левым эсерам то, чего они заслужили.

Прошло несколько минут.

— Бах!.. Ба-бах!.. — это открыла стрельбу наша артиллерия по частям Попова.

Авантюра левоэсеровской контрреволюции заканчивалась. Части Попова отступали, а вожди контрреволюции с печатью каина на лбу спешно прятались в контрреволюционное подполье.

В БОРЬБЕ ЗА ХЛЕБ

«Война, вызванная борьбой между капиталистами из-за дележа их грабительской добычи, привела к неслыханной разрухе. Преступная спекуляция и погоня за наживой, особенно в среде богатых классов, обострила еще более эту разруху, довела до мучений голода и безработицы сотни тысяч и миллионов людей. Необходимость чрезвычайных мер для помощи голодным и для беспощадной борьбы со спекулянтами побуждает Рабочее и Крестьянское Правительство установить, как закон Российской Республики, следующие правила...»

Правила эти излагались в «проекте декрета о потребительских коммунах», выработанном мною и одобренном т. Лениным¹. Вводная часть к этому проекту, цитируемая здесь, написана самим т. Лениным.

Снабжение республики продовольствием являлось для Советской власти вопросом первостепенной важности с первых же дней после победы пролетарской социалистической революции. От Временного правительства пролетариату остались в наследство лишь пустые амбары. Кое-какие хлебные крохи имелись на местах в распоряжении продовольственных управ (так назывались местные продовольственные органы Временного правительства), кое-что находилось в пути или, вернее, *стояло в пути* в разных местах железнодорожной сети, причем этот хлеб не только *стоял* на колесах, но даже неизвестно было в точности, где именно его надо искать.

А между тем снабжение не терпело ни малейшего отлагательства, и ежедневно в комиссариат продовольствия поступали категорические требования.

---

¹ Проект этот рассматривался на I Всероссийском продовольственном съезде, состоявшемся в 20-х числах января 1918 г. в Петрограде в Аничковом дворце и происходившем одновременно с III съездом Советов (после разгона Учредительного собрания). В заседаниях продовольственного съезда участвовали и члены съезда Советов, работники продовольственных отделов местных Советов. Съездом проект был одобрен и признан подлежащим проведению в жизнь в скорейшее время. Однако я вскоре после съезда был откомандирован для работы по продовольствию в Сибирь, и постановление это осталось неосуществленным. Лишь через несколько лет, а именно 19 марта 1920 г., был издан декрет о потребительских обществах, в основу которого были положены принципы моего проекта.

— Если не будете давать по 200 вагонов ежедневно, все пропало; нас возьмут голыми руками,— таковы были требования тогдашнего наркомвоена т. Подвойского.

— Дивизия доедает последнее; немедленно высылайте сахар, хлеб, иначе все разбегутся,— это телеграфировал мне по прямому проводу т. Позерн, дивизия которого стояла в то время не то в Минске, не то в Двинске¹.

— Поспешите с погрузкой хлеба для финляндского гарнизона, положение катастрофическое,— это по прямому проводу сообщали мне из Гельсингфорса.

У прямого провода в Главном телеграфе я просиживал в этот период ежедневно целыми часами, по 4—5 часов подряд. Или меня вызывали к проводу, или я вызывал. Я вел переговоры главным образом с Сибирью, с Омским областным Советом. Было известно, что в Сибири имелись еще огромные запасы нетронутого, даже необмолоченного хлеба. Все взоры Петрограда были обращены на Сибирь, которая могла прокормить всю Россию. Этими массами хлеба и улажал меня ежедневно Омский Совет.

— Хлеба хватит на всю Россию, приступаем к погрузке...

Но дни шли за днями, а Омский Совет ежедневно все лишь приступал к погрузке.

Партия и Совнарком принимали энергичные меры для снабжения промышленных центров продовольствием. В ряд районов были посланы специальные уполномоченные ЦК. Становилось очевидным, что и за сибирским хлебом надо ехать лично кому-нибудь из Петрограда.

Эту задачу ЦК партии возложил на меня. В конце января 1918 г. ЦК командировал меня в Сибирь в качестве «чрезвычайного комиссара по продовольствию Сибири» для заготовки хлеба и организации продвижения хлебных грузов в столичные центры.

В течение двух-трех месяцев удалось выслать свыше одного миллиона пудов хлеба, которым в течение этого

---

¹ Кстати сказать, как выяснилось потом, дивизия т. Позерна насчитывала в тот момент фактически уже не больше нескольких сот человек. Солдаты стихийно разбежались, учет остатков сильно запаздывал, и штаб продолжал посылать требования на продовольствие для всей войсковой части, в то время когда фактически ее уже не существовало. Равным образом были преувеличены и требования наркомвоена и других.

времени в значительной степени и питался революционный пролетариат. Но захват Сибири белоэсеровскими бандами в конце мая оторвал от Советской республики эту житницу, и только что налаженная хлебная заготовка сделалась невозможной.

Об этом я сообщил Ленину (через Наркомпрод) следующей телеграммой из Екатеринбурга от 14 июня: «Сейчас прибыл вместе со всеми эвакуированными из Омска. Все деньги вывезены (около 300 млн. руб.— *А. Ш.*), а мануфактура стоимостью тридцать миллионов оставлена моим разрешением на хранение Омскому Союзу Кооперативов Центр-Сибири. Формальная передача товаров в склады Центр-Сибири будет выполнена членом совета снабжения Кондратом, оставшимся в Омске. Восемнадцать агентов, посланных мною в верховья Иртыша для организации закупки хлеба, остались, вероятно, в плену восставших казаков; пароход, на котором выехали агенты из Омска, был задержан в Павлодаре еще до нашего выезда. Вся флотилия Иртышская на плесе от Омска до Тобольска увезена нами и, вероятно, не попадет в руки контрреволюционеров. Если контрреволюция будет подавлена скоро, то для заготовки хлеба останется еще недели две весеннего подвоза хлеба, масла. Судьба денег и товаров в Барнауле и других городах Западной Сибири, кроме Омска, неизвестна. Персонал Краесвета, кроме советских руководителей, остался в Омске. Лично я с двумя сыновьями выехал из своего вагона за пять минут до окружения белогвардейцами под охраной бывшего со мной продовольственного отряда латышей с бомбами в руках. Кассовые документы моего отряда спасены, все остальное имущество — мое и отряда — разграблено железнодорожными белогвардейцами с белыми повязками на рукавах, заполнившими перрон».

Другая житница — Украина еще была закована в цепи гетманщины и немецкой оккупации и потому тоже была для нас недоступна. К лету 1918 г. сибирский хлеб был съеден, и снова в Москве, и в Питере, и во всем вообще промышленном районе России начало чувствоваться дыхание приближающегося голода.

Хлеба нужно во что бы то ни стало, но где и как его заготовлять? Как нужно организовать заготовку, чтобы она дала необходимые результаты? В. И. Ленин неустанно ду-

мает над этим и однажды при встрече со мной, узнав об организации заготовок, примененной нами в Сибири, высказал мысль: надо организовать показательную заготовку хотя бы в одном каком-либо уезде, даже волости, и дать для этого максимум всего, что нужно, — денег, товаров и людей. Эта мысль, по-видимому, продолжала занимать его внимание, и вот на одном из заседаний Совнаркома — если не ошибаюсь, в июне — В. И. Ленин пишет наркомупромышленности т. Цюрупе следующую записочку:

«Для Шлихтера надо найти серьезное продовольственное дело: *например*, собрать 100% разверстки в N уездах: инструктировать для сего таких-то (десятки и т. п., сотни); быть кнутом для 3—4 губерний, создать образец и т. п.

найдете ли?»¹

Вопрос был обсужден в коллегии Народного комиссариата продовольствия, и было принято мое предложение поставить образцовую во всех отношениях заготовку хлеба в Ефремовском уезде Тульской губернии, как в пункте наиболее хлебородном в промышленном районе² и наиболее близком от Москвы, благодаря чему можно было отправлять хлеб в Москву с большой быстротой.

Здесь и была впервые применена та система хлебной разверстки — «образца», о котором говорил Ленин. Заготовка в Ефремовском уезде, организованная на началах договорного соглашения с крестьянством о количестве причитающегося с каждой волости хлеба, была перевыполнена по каждой волости и дала 2800 тыс. пудов хлеба, который отсылался ежедневно двумя маршрутными поездами в Москву. Вся разверстка была реализована без малейших конфликтов с крестьянством. Достигнуто это было тем, что отряд, осуществляя задание Ленина, собирал разверстку, согласованную с самим крестьянством (на общекрестьянских сходах в деревне и на общеуездном крестьянском съезде комитетов бедноты). При этом отряд строжайшим образом выполнял обещанный товарообмен (весьма незначительный — 8—10% стоимости разверсточного хлеба), не задерживал *ни одного часа* подвод на

---

¹ «Ленинский сборник» XVIII, стр. 115.

² Из районов, бывших свободными в то время от контрреволюционного захвата.

ссыпных пунктах и немедленно оплачивал наличными всю стоимость привезенного хлеба, получая за товар, даваемый крестьянам, также наличными. И, наконец, важнейшее, что обеспечило заготовительному отряду прекраснейшее отношение со стороны крестьянства,— это даваемая нами на основании прав, предоставленных мандатами Ленина, официальная письменная гарантия крестьянам (на волостных собраниях) в том, что никакой повторной разверстки больше не будет и что крестьяне, *выполнившие* разверстку, вольны делать с остатками своего хлеба, что хотят, вплоть до продажи его.

«Образец» разверстки, осуществленной согласно директиве Ленина в Ефремовском уезде, лег впоследствии в основу продналога.

После Ефремовского уезда наш заготовительный отряд был переброшен в Вятскую и Пермскую губернии, где имелось еще много необмолоченного хлеба 5- и даже 10-летней давности. Эта заготовка, организованная также на началах добровольной разверстки и товарообмена и давшая еще около одного миллиона пудов, была прервана в результате падения Казани.

С падением Казани и Перми был потерян для заготовки и весь обильный хлебными запасами район Прикамья.

Ранней осенью хлеб, заготовленный в Ефремовском уезде и в нескольких пунктах Вятской и Пермской губерний, был снова съеден и для пролетариата наступали дни необычайной революционной выдержки в деле защиты завоеваний Октябрьской пролетарской социалистической революции в условиях начавшегося тогда голода. Государственный аппарат Наркомпрода мог обеспечить пролетариату за покрытием продовольственных нарядов для Красной Армии лишь крохи «четвертушек» и «осьмушек» хлебного пайка. В поисках хлеба рабочие разбредались по деревням, но все больше и больше иссякали хлебные источники в районах центральных губерний, еще не захваченных белогвардейщиной, все трудней и трудней доставался рабочей семье каждый пуд хлеба, добывавшийся собственными усилиями, сверх пайковых получек от государства.

И вот в это-то время блеснули первые зарницы перелома в положении дел на Украине. Окрепшая и разлившаяся по всей Украине партизанская борьба трудящихся

масс уже приближала разгром немецких оккупантов и скоропадчины. Шаг за шагом гнала трудовая Украина банды насильников, пядь за пядью поля украинского крестьянства становились «честной советской землей».

Вздохом радостного облегчения встречал пролетариат России победу красных партизан Украины.

— Украина накормит...

Естественно, что в этот момент организация продовольственного дела на Украине выдвигается Советской властью на первый этап как задача, не терпящая отлагательства. И Советское правительство Украины, штаб которого до сдачи Харькова немецкими войсками находился пока еще в нескольких железнодорожных вагонах на станции Курск, и Наркомпрод РСФСР в Москве, и, наконец, прежде всего сам т. Ленин — все полны заботы об одном:

— Хлеба для бойцов.

Украинское правительство сообщало из Курска в телеграмме от 25 февраля 1919 г. на имя Ленина: «В занятых нами местностях найдена масса продовольствия и сахара, необходимо иметь хорошего продовольственника. Шлихтер пока еще не приехал».

На этой телеграмме Ленин кладет следующую резолюцию: «Передать Шлихтеру, с добавлением, что я крайне недоволен замедлением его поездки».

Речь шла о скорейшей переброске на Украину продовольственно-заготовительного отряда, заканчивавшего в тот момент хлебозаготовительные операции в Щигровском уезде Курской губернии. Вопрос о распространении на Украину заготовительных операций этого отряда был принципиально предрешен ЦК РКП еще за несколько месяцев до этой телеграммы украинского правительства.

Выработка Наркомпродом РСФСР организационно-инструктивных указаний, которыми надлежало руководствоваться отряду, направляемому на Украину, в практике продовольственно-заготовительных операций на местах, затянулась на несколько месяцев и вызвала решительное осуждение со стороны Ленина. На одном из заседаний Совнаркома член коллегии Наркомпрода А. И. Свидерский подал по этому поводу следующую записку Ленину:

«Сегодня в коллегии был поставлен вопрос о границе с Украиной: считать ли ее открытой для свободного провоза продовольственных продуктов? Вопрос остался пока

открытым. Однако большинство высказалось таким образом: провоз ненормированных продуктов допускать, провоз же нормированных ограничить установленными в Советской России нормами¹. Я настаивал на установлении свободного провоза и нормированных продуктов, по крайней мере, в ближайшее время, пока положение на Украине не установилось. Ваше мнение?»

Ответ был дан Лениным на этой же записке. «Помоему, — писал он, — зря «теоретизировали» все вы. Гнать, торопить Шлихтера² *на место, на месте* видно будет».

В этой летучей («между делом»), как это всегда практиковал Ленин во время заседания Совнаркома, переписке сохранилось мнение Ленина по одному из важнейших вопросов, предопределивших организационную структуру продовольственного дела на Украине в то время. Это был вопрос о том, включать ли немедленно Украину в систему государственной монополии на продовольственные продукты, действовавшую уже свыше года на территории РСФСР, и вывозить в Россию излишки продовольственных продуктов исключительно *организованным* путем, через аппарат Наркомпрода, или же оставить Украину как продовольственную отдушину для индивидуального снабжения рабочих собственными усилиями.

С другой стороны, и в этом коротеньком летучем ответе Ленина мы имеем столь типичный для него образчик подхода ко всяким «системам» и «конструкциям» по деловым, практическим вопросам. Сначала ознакомление с *местной* обстановкой, учет *местных* условий, а потом уже теория; иначе — не теория, а пустая забава, «теоретизирование», догматизм.

Ленин не напрасно ставил вопрос о «системе» организации продовольственного дела на Украине в зависимость

---

¹ В это время на территории Советской России нормированное распределение было установлено на следующие продовольственные продукты: хлеб в зерне и муку, всякую крупу, сахар, соль, коровье масло и мясо. Последнее фактически было почти свободно от режима жесткой монополии. Остальные продовольственные продукты не были охвачены государственной монополией, и потому их называли ненормированными.

² Назначение мое на Украину состоялось в то время, когда я с отрядом находился на хлебной заготовке в Щигровском уезде Курской губернии, на которую были распространены мои «чрезвычайные полномочия» после потери Перми и Казани.

прежде всего от выяснения *местных* условий. Возможность теоретического планирования в данном вопросе из Москвы могла сводиться главным образом лишь к учету и арифметической раскладке продовольственно-заготовительных расчетов, падающих на долю Украины, в общем итоге продовольственного баланса всей Советской республики в целом.

В эти незабываемые дни героической борьбы пролетариата определяющим мотивом в продовольственном вопросе было:

— Хлеба для бойцов во имя спасения революции.

— Хлеба для рабочих.

Случаю опять-таки угодно было сохранить для истории продовольственного дела в дни гражданской войны документ, свидетельствующий о том, какие директивы давались Лениным в области построения продовольственных органов на Украине для реализации этого ультимативного требования пролетарской социалистической революции.

Вот эти директивы, зафиксированные в «Постановлении ЦК» и переданные Лениным по прямому проводу 14 марта 1919 г. мне, как наркому продовольствия, уже введенному в этот момент в состав правительства Украины:

«Политические условия, в которых находилась Украина до водворения советской власти на Украине, довели ее хозяйственный, экономический аппарат до состояния исключительного хаоса и анархии. При этих условиях всякое нарушение и отклонение от основ продовольственной политики, выработанной опытом Севера, поведет неизбежно к тому, что сравнительно обильные, но все же ограниченные продовольственные и товарные ресурсы Украины быстро иссякнут и утекут по каналам спекуляции. Ввиду этого ЦК РКП считает необходимым: 1) утвердить на Украине незыблемость принципа единства учета, распределения и снабжения и возложить эти функции на Компрод Украины; 2) украинский Компрод должен быть единственным органом, имеющим исключительное право распоряжаться всеми продовольственными продуктами и предметами первой необходимости, находящимися на Украине; 3) на Компрод возлагается обязательство повести энергичную заготовительную кампанию на основах

разверстки, согласно состоявшегося постановления ЦК; 4) заготовку хлеба для рабочих и армии Украины и голодного Севера возможно провести только при хлебной монополии: «Разверстка — метод»; 5) регулируя производство продуктов и товаров, а также и распределение их по соглашению с соответствующими продовольственными органами, ведающими производством, Компрод только один имеет право учета заготовки и распределения продуктов и товаров, находящихся уже на рынке в руках частных лиц и советских учреждений.

В вышеуказанных целях правительство Украины должно декретировать следующее:

1. Заготовка хлеба и других продовольственных и сельскохозяйственных продуктов, также заготовка предметов первой необходимости и товаров, их распределение и снабжение ими населения городского и деревенского — возлагается исключительно на Компрод Украины. Все распоряжения и постановления Компрода в этой области являются единственно и безусловно обязательными для всех без исключения органов и учреждений советской власти Украины.

2. Наркомпрод Украины имеет право отменять постановления и распоряжения местных органов всех ведомств, противоречащие планам и действиям.

3. Наркомпрод имеет право требовать, под страхом ответственности перед судом Революционного трибунала, от всех учреждений ведомств немедленного и безусловного исполнения всех его распоряжений в связи с продовольственным делом.

4. Организовать, распускать и реорганизовать местные продовольственные органы имеет право исключительно только Компрод, вместе с тем на Наркомпрод Украины возлагается обязательство доставить Северу до 1 июня 50 млн. пудов хлеба. Также в деле организации рынка ненормированных продуктов Компрод обязуется идти по пути Компрода РСФСР и в ближайшее время обеспечить аппарат для проведения монополии на животные и растительные жиры, на мясные продукты и другие продукты, являющиеся нормированными на Севере. На Компрод возлагается также обязательство заставить кооперативы в деле заготовки придерживаться системы товарообмена с деревней и овладеть кооперативным аппаратом, подчи-

нив его, в частности, в интересах снабжения голодного Севера и армии РСФСР.

5. Все запасы продовольствия и предметы первой необходимости, захваченные при наступлении Красной Армии на складах, на ссыпных пунктах, в вагонах, в имениях, на заводах и т. д., подлежат распределению исключительно по указанию Компрода, причем из них в первую очередь пополняются базы армейских частей согласно планам снабжения Красной Армии.

6. Украинская армия обеспечивается запасом на базах не более чем на полтора месяца.

7. Все товары, не могущие более рассматриваться как продукт, предназначенный для переработки, и находящиеся на учете Совнархозов и различных местных органов, переходят немедленно в распоряжение Компрода.

8. В деле закупки ненормированных продуктов Компрод Украины строго придерживается основ декрета Совнаркома от 21 января и, как только это позволит организация продорганов, сужает круг этих продуктов и закрывает их свободную закупку.

9. На Компрод возлагается обязательство организовать для перевозки хлеба маршрутные поезда с полным оборудованием, с топливом, с техническим персоналом и помощью.

10. Компроду предоставляется широкая возможность и оказывается полное содействие в деле формирования этих маршрутных поездов.

11. Компрод в деле перевозок продовольствия для Севера и перебрасывания своих заготовительных экспедиций приравнивается по правам к военным органам (утверждено ЦК РКП как директива для Украинской коммунистической партии и для украинского советского правительства 2 марта 1919 г.). Ленин».

Правильность и целесообразность форм и методов продовольственной работы, нащупанных во время Ефремовской продовольственной экспедиции, была подтверждена этой директивой Ильича о принципах организации продовольственной работы на Украине.

К этому времени я уже успел побывать на Украине, ознакомиться с кое-какими из местных условий продовольственной работы и приехал в Москву для проведения

некоторых организационных вопросов в коллегии Наркомпрода.

При первой же встрече с Лениным после прибытия моего в Москву — это было в марте 1919 г. на заседании VIII партийного съезда — я получаю от него записку с вопросами о хлебозаготовительных перспективах на Украине.

Вот он передо мной, этот сохранившийся для истории документ, который так живо воскрешает в памяти беспримерные жертвы пролетариата и беспримерную способность Ленина учитывать действительное положение вещей без каких бы то ни было прикрас и затушевываний. Вот о чем спрашивал меня Ленин в этой записке:

«т. Шлихтер!

1) Получили-ли Вы на Украине директиву ЦК (о 50 мил. к I. VI)?

2) Если нет, то здесь видали?

3) Что думаете? *Сколько доставите?*

4) Не нужны-ли здесь (и какие) экстренные меры?

5) Если не подвезете к I. V или I. VI—мы околеем все.

Ленин»¹

Угроза околеть всем, т. е. прежде всего пролетариату столичных центров, — такова была продовольственная обстановка в Советской России в первые месяцы прихода Советской власти на Украину.

50 млн. пудов хлеба — такова была помощь, на которую рассчитывал и которую ожидал русский пролетариат от своих братьев — украинцев.

Каковы же были объективные возможности, которыми могла располагать Советская власть на Украине, для того чтобы оправдать эти надежды Советской России на украинский хлеб?

Хлебные запасы от предыдущего урожая были в то время на Украине еще весьма значительны. Ни бронированный кулак германского империализма, так самоуверенно занесенный над предательски проданной бандитами петлюровцами Украиной, ни всемерное содействие немцам со стороны «самостийного» гетмана Скоропадского не могли сломить упорства украинского селянства. Надежды немецких генералов ослабить петлю антантовской голодной блокады украинским хлебом оказались мыльным пу-

¹ «Ленинский сборник» XXIV, стр. 119—120.

зырем. Но, сумев припрятать свой хлеб от немецких оккупантов, украинское селянство не питало никакой склонности открывать свои амбары и для Советской власти вне тех норм свободного товарооборота, к которым оно искони привыкло: копейка за копейку.

А советская копейка в это время уже лихорадила неуклонным падением своей валютной стоимости. Рубль обесценивался, товар бешено подымался в цене. Такой рубль крестьянина не соблазнял, ему нужен был товар, а не наши деньги, ему нужны были при этом меновые отношения между промышленностью и сельским хозяйством в тех нормах, к каким он привык до войны: за пуд хлеба — ситец на рубаху.

Такие нормы были непосильны в то время для нашего разоренного и разрушенного империалистической войной хозяйства. Наши товарные запасы могли обеспечивать крестьянину в среднем не более чем на 10 коп. товаров в обмен на хлеб за 1 руб., притом не в таком ассортименте, какой был нужен крестьянству, а в том, какой фактически имелся у нас, на наших хлебоссыпных пунктах.

Такие товарные операции не соблазняли крестьянина, ибо в таком же ограниченном, не обеспечивающем потребностей семьи количестве он мог получать товар из-под полы у спекулянта и у мешочника, которые привозили его к нему на дом и забирали хлеб у него на дому же, избавляя его, таким образом, от необходимости производить затраты по поездкам на базары или на ссыпные пункты.

Таковы были результаты ознакомления «на месте» с «местными условиями» по вопросу о «границе с Украиной» в продовольственном отношении. Гражданская война, которую нам навязали и которая требовала от нас в этот момент величайшего напряжения, выдвигала в первую очередь требование организованного продовольственного снабжения Красной Армии и пролетариата. Но без известных принудительных мер государство было бы лишено возможности это требование практически разрешить. Ознакомление с местной обстановкой выявило потребность во введении государственной монополии на важнейшие продовольственные продукты, и вследствие этого на границе с Украиной были расположены специальные заградительные отряды — каналы для мешочнического вывоза хлеба с Украины были закрыты.

В этом отношении Советская Украина ставилась формально в такие же условия государственно-монопольной заготовки хлеба, какие существовали уже в Советской России. Но это было именно лишь *формальное* сходство в условиях работы на продовольственном фронте в 1919 г. на Украине и в России.

В России Советское правительство уже имело в то время свои организованные аппараты власти *на местах*. На Украине же фактически таких местных органов власти не существовало за весь шестимесячный период второго прихода Советской власти в 1919 г.

Создание местных аппаратов как органов *фактической* власти не могло быть осуществлено в 1919 г. по следующим трем основным причинам. Во-первых, территориальному продвижению Советской власти вперед сопутствовали бандитские налеты белогвардейщины. Даже переезд Совнаркома из Харькова в Киев в начале марта, т. е. в первые недели формирования центральной власти, сопровождался в пути обстрелами некоторых эшелонов.

Если бы по данным оперативных сводок подсчитать местности, захватывавшиеся бандитами с марта по конец августа (по день окончательной эвакуации), то оказалось бы, что фактически Советская власть имела в это время в своем распоряжении в среднем не больше одного-двух десятков сравнительно благополучных уездов. В последние два месяца (июль — август) Советская власть на Украине охватывала фактически не больше десятка волостей.

Вторая причина отсутствия власти на местах, причина, являвшаяся в значительной мере следствием первой, обуславливалась неуверенностью украинской деревни в том, что Советская власть уже крепко упрочилась на Украине.

Ярким образчиком этой неуверенности являлись отказы в некоторых местах использовать землю убежавших помещиков. Были случаи, когда крестьяне отказывались не только засеять поля помещичьих экономий, но и снимать хлеб с земель, засеянных осенью, до Советской власти¹.

---

¹ Если не изменяет мне память, особенно часты были такие случаи в Полтавской губернии. Конкретно мне запомнилось сообщение об этом из Решетилловской волости.

В таких условиях фактическая заготовка продовольственных продуктов на началах хлебной монополии могла бы производиться в рамках намеченного Советской властью плана лишь при наличии достаточных кадров вооруженной силы. Но Советская Украина по соображениям стратегического характера была предоставлена в деле обороны украинской территории собственным силам, а эти силы были не только количественно недостаточны, но и частью оказались политически ненадежными — и это была третья причина невозможности закрепить власть местных советских аппаратов и защитить их работу от наседавшей контрреволюции.

Вот те общие условия, в которых работала Советская власть Украины и в которых ей приходилось разрешать задачу обеспечения продовольствием пролетариата и Красной Армии.

В этих условиях вместо 50 млн. Наркомпрод Украины смог заготовить к 1 июля всего 8,5 млн. пудов хлеба¹. Однако и эти миллионы на три четверти остались на Украине и были израсходованы на пайковые выдачи пролетарским центрам (в значительной мере рабочим Донбасса) и на Красную Армию. Лишь около 2 млн. было отправлено в Москву и Питер.

Сквозь призму давности выветриваются понемногу ощущения той необычайной по героизму и бесстрашию борьбы, которую вел пролетариат на продовольственном фронте во имя спасения завоеваний Октябрьской революции. Образно выражаясь, можно сказать, что каждый пуд заготовленного хлеба был окрашен *кровью* рабочих продовольственных отрядов. Работать приходилось в бандитском окружении, и сколько их, малоизвестных героев, погибло с оружием в руках, добывая хлеб для армии, отражавшей натиск врага на фронте!

В продовольственных отрядах были рабочие почти исключительно *питерские* и *московские*, т. е. те русские рабочие, вокруг которых украинская белогвардейщина разжигала среди селянства шовинистическую травлю и

¹ Между прочим, в апреле в докладе на расширенном заседании Московского совета и профсоюзов о хлебозаготовительных перспективах на Украине я предупредил, что максимальные расчеты на заготовку не могут превышать 10 млн. Это сметное предположение было выполнено на 85%.

пенависть. Умирая в борьбе за хлеб для *украинского* пролетариата и *украинской* Красной Армии, московские и питерские рабочие давали предметные уроки единства революционного пролетарского фронта всех народов Советской республики.

* *
*

Украина была эвакуирована Советской властью в конце августа 1919 г., и с этого времени тяжесть продовольственного снабжения республики была перенесена в значительной мере на Тамбовскую губернию. Здесь я снова встретился с письмами-записочками Ленина, хотя и не принимал уже непосредственного участия в хлебной заготовке.

С весны 1920 г. я был откомандирован в распоряжение Тамбовского губернского комитета партии и здесь на ближайшем губернском съезде Советов был избран председателем губисполкома.

В Тамбове жила в это время в очень тяжелых условиях одна старуха с больной дочерью, оказавшая в свое время большие услуги нашему подполью. И вот о ней мне писал Ленин:

Надежда Константиновна, писал он, просит «принять меры, чтобы их *вполне хорошо* обставить в продовольственном отношении. Старуха это *заслужила* вполне.

Будьте добры, черкнуть мне, что сделали и приняли ли меры, чтобы не забыли о них и *без Вас* (при Вашем *отъезде и т. п.*).

Как дела в Тамбовской губернии?

Голод? Не накормить? (местными средствами)

Что предпринимаете?

Лучшие приветы!

Ваш Ленин»¹.

Просьба Ильича о старухе была выполнена, и было сделано все, что мы могли сделать в тяжелых условиях того времени.

С трудом мы могли бы прокормить «местными средствами» Тамбовскую губернию, но кулацко-эсеровский

---

¹ «Ленинский сборник» XXXV, стр. 150.

мятеж во главе с бандитом Антоновым на много месяцев сделал Тамбовскую губернию территорией, на которой Советская власть боролась не только с голодом и холодом, но и с контрреволюцией.

ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА С ЛЕНИНЫМ

Моя последняя встреча с Лениным была в конце лета 1921 г. Совершенно неожиданно для себя я узнал, что состоялось мое назначение по ведомству Наркоминдела — на должность полпреда в Швеции¹. Проработав все предшествующие годы в хозяйственной области и не желая, кроме того, вообще отрываться от работы в Советской республике, я решил поговорить на эту тему с Лениным, надеясь получить от него согласие на перерешение вопроса о моем назначении в Швецию и на оставление меня в России.

Придя к Ильичу, я начал свою беседу с того, что я еще не чувствую необходимости переходить на деловой отдых, каким я считал тогда работу по линии Наркоминдела за границей. Но товарищ Ленин сразу же, сверх обыкновения не дослушав меня до конца, перебил меня своим решительным возражением:

— Что вы, что вы, дело идет не о посылке вас на покой, хотя вы совсем ошибаетесь, думая, что вам не нужен отдых. Но дело не в отдыхе, а в том, что за границей нам нужно иметь своих людей. Там теперь предстоит нам ответственнойшая работа.

Я продолжал, однако, излагать свои соображения, и мне казалось, что Ильич выслушивает меня, как всегда, внимательно, и признаком этой внимательности был, как всегда, слегка прищуренный глаз. Но вдруг Ильич, опять не дослушав меня, прерывает вопросом:

— А вы уже знаете, Саммер² умер? Еще один...

---

¹ Назначение это осталось неосуществленным. Спустя несколько месяцев я был назначен полпредом в Австрию.

² Иван Адамович Саммер — старый большевик-подпольщик, известный в подполье под кличкой «Любич». В начале 1920 г. был откомандирован ЦК РКП на Украину и работал в Харькове, совмещая одновременно два ответственных поста: уполномоченного Наркомвнешторга и председателя Вукоспилки.

Я был застигнут врасплох этим вопросом Ильича. Мне мгновенно вдруг стало ясно, что Ильич, казавшийся на первый взгляд все тем же давно знакомым Ильичем, в действительности был в тот момент совсем другим, каким-то новым, чем-то удрученным и о чем-то упорно думающим в то время, как мне казалось, что он слушает меня. Мне хотелось отвлечь мысли Ленина соображениями о том, что, как ни неожиданна была смерть Саммера, еще здорового, крепкого и цветущего человека, все же нам, именно нам, старым работникам партии, надо быть готовым к уходу одного за другим...

— Ну что же, Владимир Ильич,— ответил я ему,— ведь поработали, теперь можно и уходить, ведь смена уже готова.

Долго-долго, не спуская глаз с меня, смотрел Ильич.

— Нет, вы неправы,— был его ответ.— Рано еще уходить. Еще надо годиков пять поучить.

Как пронизателен оказался Ильич! Ведь это было сказано за полтора года до того момента, когда Троцкий развернул свою открытую фракционную борьбу против партии, против старых, испытанных большевистских кадров, противопоставив им вузовскую молодежь.

По-видимому, Ильич уже в момент моего последнего свидания с ним чувствовал себя больным, и, может быть, ответ мне о том, что рано еще уходить, был в то же время ответом на его собственные мысли о надвигающемся нездоровье.

Прошло с момента моего последнего свидания всего только два с половиной года, и вот... я опять вижу дорогие черты Ильича уже в последний раз, стоя у его изголовья в те дни, когда со своим великим, гениальным вождем прощалась Коммунистическая партия, прощался советский народ.

Цепенела мысль, замирало сердце в перебоях от неизбывной скорби.

А через несколько дней, 26 января 1924 г., на II Всесоюзном съезде Советов наша партия устами товарища Сталина клялась в верности всем заповедям Ленина.

В процессе борьбы за выполнение заповедей Ленина выросли и выковались новые люди, строители во всех областях социализма.

Дело Ленина живет и побеждает.

СОДЕРЖАНИЕ

Первое выступление Ильича на открытом митинге в России	7
Из прогнозов Ильича	13
На V съезде партии	20
Наш Ильич	23
В Смольном	25
Накануне Бреста	36
Как Финляндия получила независимость	40
Отповедь левым эсерам	43
Разгром левоэсеровской авантюры	46
В борьбе за хлеб	50
Последняя встреча с Лениным	65

Шлихтер Александр Григорьевич

УЧИТЕЛЬ И ДРУГ ТРУДЯЩИХСЯ

(Из воспоминаний о Ленине)

Редакторы

М. Гильгулин, И. Луковцева

Оформление художника *А. Соколова*

Художественный редактор *Н. Симагин*

Технический редактор *Н. Трояновская*

Ответственный корректор *Ю. Болховитянов*

Сдано в набор 2 апреля 1957 г. Подписано в печать 30 мая 1957 г.
Формат 84×108¹/₃₂. Физ. печ. л. 2¹/₂. Условн. печ. л. 3,48. Учетно-изд. л.
3,27. Тираж 100 тыс. экз. А05129. Заказ № 349. Цена 75 коп.

Государственное издательство полигической литературы.

Москва, В-71, Б. Калужская, 15.

Министерство культуры СССР. Главное управление полиграфической
промышленности. Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова.
Москва, Ж-54, Валовая, 28.

75 коп.

ГОСПОЛИТИЗДАТ

1957